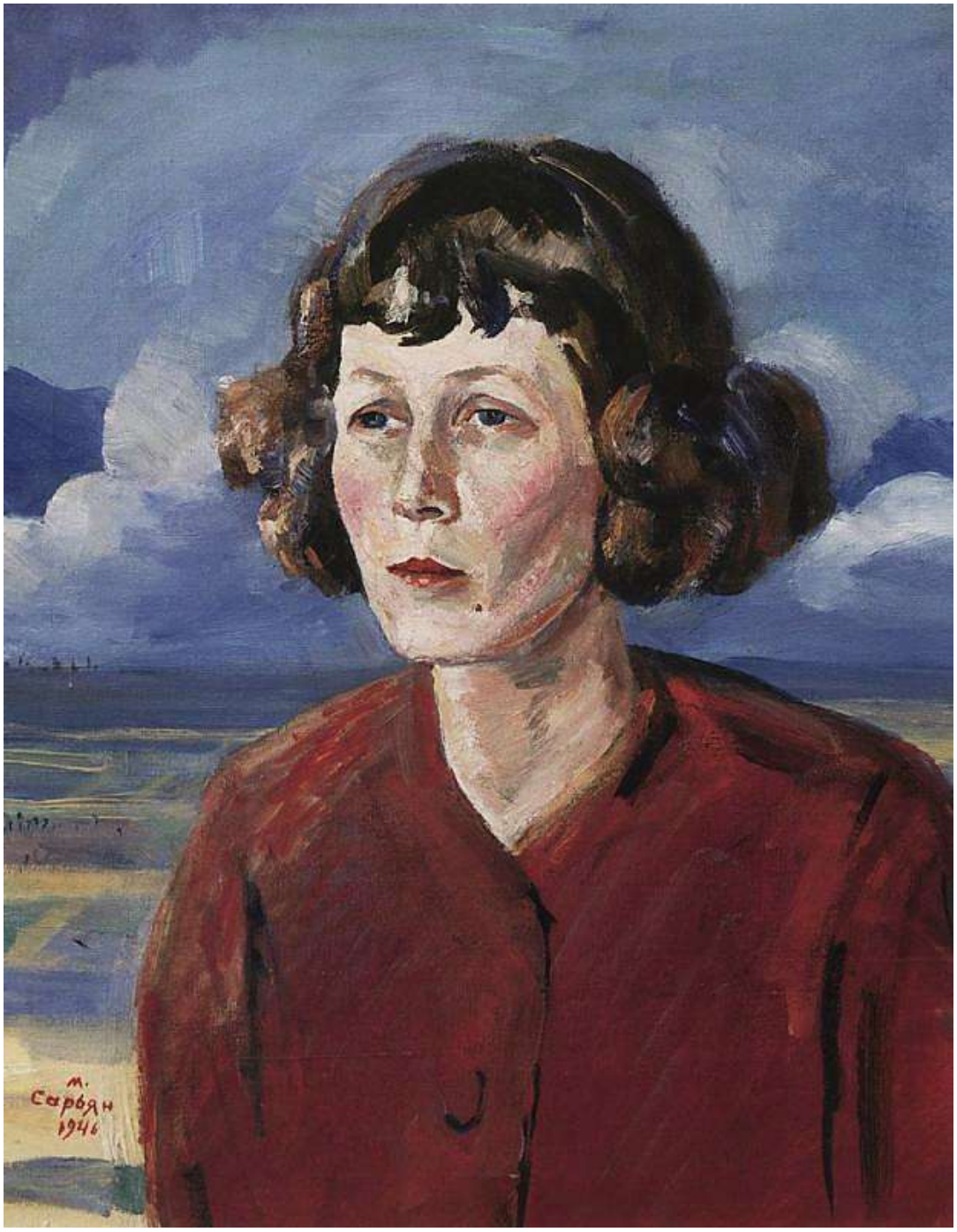
МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

Дальнее дерево


М.
Сарьян
1946

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

ДАЛЬНЕЕ ДЕРЕВО

СТИХИ

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

ПЕРЕВОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЙАСТАН» ЕРЕВАН, 1968

Р 2
П 30

Предисловие Л. МКРТЧЯНА

7-4-2

ПОЭТ

I

Мария Петровых почти не печатала своих стихов. Но если писала (а пишет она с конца 20-х годов), то так, чтобы надолго, может быть, навсегда. О стихотворении Петровых «Назначь мне свиданье на этом свете…» Анна Ахматова сказала, как о «шедевре лирики последних лет»[1]. Высоко ценил дарование М. Петровых Борис Пастернак[2]. Однако она, подобно тенелюбивому растению, всегда держалась не на виду, была равнодушна к шуму известности. Вера Звягинцева в своём посвящении ей пишет:

Покажись, безымянное чудо,
Что ты там притаилась одна?
Ты откуда такая, откуда,
Что и слава тебе не нужна?!
. . . . . .
Но поёт и поёт невидимка,
Не найти её в частых кустах,
Лишь дрожит паутинная дымка
На рябиновых тонких ветвях[3].

Эти оценки очень интересны, хотя, может быть, не совсем правильно представлять одного поэта ссылками на других. Да и трудно писать после таких имён и оценок: начнёшь искать эпитеты посильнее, что плохо само по себе и всегда нетактично по отношению к поэту, о котором пишешь…

В шесть лет Петровых сочинила четверостишие. «Я восприняла это, — пишет она в одном из писем, — как чудо, и с тех пор всё началось, и, мне кажется, моё отношение к возникновению стихов с тех пор не изменилось». В середине 20-х годов ученица 8-го класса М. Петровых посещала собрания Союза поэтов Ярославля (она родилась под Ярославлем, в Норском посаде), а вскоре была принята в Ярославское отделение Союза поэтов. Здесь же, на вечерах поэзии она узнала о Мартиросе Сарьяне, об Армении. «Одна из поэтесс — Маргарита Салова — влюблена была в искусство Сарьяна, много посвящала ему стихов, из которых помню только две строки:

Павлиньи тона осенние
Звенят о тебе, Сарьян...

От неё я ещё в школьном возрасте узнала о Сарьяне, и у меня защемило сердце даже от одних репродукций. Думала ли я тогда, что Армения станет моей пожизненной любовью и что мне выпадет счастье побывать в мастерской Сарьяна, познакомиться с этим гениальным художником, человеком исключительной духовной силы и красоты».

---

[1] «Вопросы литературы», 1965, № 4, стр. 187.

[2] Об этом говорит, в частности, стихотворение поэта, опубликованное Р. Порманом в журнале «Русская литература», 1966, № 3, стр. 194.

[3] Вера Звягинцева. Вечерний день. «Советский писатель», М., 1963, стр. 80.

Окончив школу, Петровых поступает в Москве на Высшие литературные курсы. С 1934 года начинает переводить. Первая переводческая работа — стихи Переца Маркиша, затем лирика Молла Непеса, сборник Саломеи Нерис, стихи армянских поэтов, поэма Тильвитиса «На земле литовской» и многое, многое другое. В последние годы переводит в основном славянских поэтов, преимущественно польских. Под редакцией Петровых в 1965 году вышел в свет прекрасный однотомник Юлиана Тувима.

Мария Петровых сделала многое, чтобы стихи иноязычных поэтов донести до русского читателя. Однако её собственных стихов читатель не знал.

Есть у Петровых стихи, относящиеся к её сверстникам, поэтам близкого ей душевного строя, а, может быть, и к ней самой, к её судьбе:

Мы начинали без заглавий,
Чтобы окончить без имён.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.

Я думаю о тех, которым
Раздоры ль вечные с собой
Иль нелюбовь к признаньям скорым
Мешали овладеть судьбой…

В некоторых стихотворениях Мария Петровых пишет, что жизнь ей, может, и не удалась:

Ни Ахматовской кротости,
Ни Цветаевской ярости —
Поначалу от робости,
А позднее от старости.

Не напрасно ли прожито
Столько лет в этой местности?
Кто же всё-таки, кто же ты?
Отзовись из безвестности!..

В таких стихах (если даже они мрачные) всегда много жизни: боль по несодеянному — искренний и сильный источник нравственной энергии, здоровья. После таких стихов хочется жить остро, напряжённо: «Живи же, сердце, полной мерой, не прячь на бедность ничего». Стихи Марии Петровых именно об этом: жить полной мерой. Она написала о пропавшем ручье:

…Здесь когда-то блестела вода,
Убегала безвольно, беспечно.
В жаркий полдень поила стада
И не знала, что жить ей не вечно,
И не знала, что где-то вдали
Неприметно иссякли истоки,
А дожди этим летом не шли,
Только зной распалялся жестокий.

И здесь та же мысль — надо жить, хотя речь в стихотворении о другом, о гибели ручья, о несостоявшейся жизни. В беде, в горьком горе помогут читателю и такие скорбные, мужественные стихи:

Стоногий стон бредёт за колесницей,
Стоногое чудовище с лицом
Заплаканным… Так, горе. Это — ты.
Тяжкоступающее, я тебя узнала.
Куда идём? На кладбище свернули.
Тебе другой дороги нет, о скорбь!..

Без скорби поэзия во многих случаях утратила бы способность находить отклик в сердцах людей.

Печалей в жизни Марии Петровых, видимо, было достаточно. «Судьба за мной присматривала в оба, чтоб вдруг не обошла меня утрата». Стихотворение Петровых «Не плачь, не жалуйся, не надо…», появившееся в час горя, в час одинокой печали, дарит людям радость, возвращает им счастливое чувство единства человека и природы. Земля, солнце, дождь, воздух, — они с человеком безотлучно, они его защита в минуту одиночества…

Может показаться, что идеи общепринятые я ставлю в заслугу М. Петровых. Но ведь в искусстве нет общепринятого. Без художественного, эстетического обоснования даже самая глубокая, самая оригинальная мысль поверхностна и иллюстративна. В годы войны ненависть к врагу стала темой всей советской литературы. Индивидуальность писателя выражалась в том, как по-своему он приходил к этому чувству. Мария Петровых в начале войны писала:

Я думала, что ненависть — огонь,
Сухое, быстродышащее пламя,
И что промчит меня безумный конь
Почти летя, почти под облаками…
Но ненависть — пустыня. В душной в ней
Иду, иду, и ни конца, ни краю,
Ни ветра, ни воды, но столько дней
Одни пески, и я трудней, трудней
Иду, иду, и, может быть, вторая
Иль третья жизнь сменилась на ходу.
Конца не видно. Может быть, иду
Уже не я. Иду, не умирая…

Такое не придумаешь. Это надо выстрадать. Ненависть народа к врагу была так велика, что мучила, мешала дышать. Петровых передала это чувство в стихах большой силы и точности. Её военные стихотворения масштабны по мысли, по чувствам («Апрель 1942 года», «Севастополь», «Ночь на 6 августа», цикл «Осенние леса»). Стихотворение М. Петровых «1942 год» мне кажется одним из наиболее сильных в русской советской поэзии о войне. Оно и впрямь звучит «как колокол на башне вечевой». В нём голоса тысяч и тысяч людей, проклинающих войну за всех убитых, всех осиротевших, в нём ненависть тысяч и тысяч:

Проснёмся, уснём ли — война, война.
Ночью ли, днём ли — война, война.
Сжимает нам горло, лишает сна,
Путает имена.

О чём ни подумай — война, война.
Наш спутник угрюмый — она одна.
Чем дальше от битвы, тем сердцу тесней,
Тем горше с ней.

Восходы, закаты — всё ты одна.
Какая тоска ты — война, война.

Мы знаем, что с нами
Рассветное знамя,
Но ты, ты, проклятье, — темным-темна.
Где павшие братья — война, война!
В безвестных могилах…
Мы взыщем за милых,
Но крови святой неоплатна цена.

Как солнце багрово! Всё ты, одна.
Какое ты слово: война, война…
Как будто на слове
Ни пятнышка крови,
А свет всё багровей во тьме окна…

И, наконец, заключительное четверостишие. По интонации, по стиху оно проще. Это заключение, вывод, он и должен быть суров своей немногословной прямотой:

Тебе говорит моя страна:
Мне трудно дышать, — говорит она, —
Но я распрямлюсь, и на все времена
Тебя истреблю, война!

Тревожно, неотвязно звучит в этом стихотворении слово война, усиленное повторяющейся рифмой.

Звуковая, интонационная природа стихотворения «1942 год» разнообразна и богата, чему способствует и редифная рифма, и укороченные, обрывающиеся строки. Разнообразие и повторяемость звуковых пар создают определённое настроение, слово сливается с мелодией, и мысль приобретает глубину и силу, какая бывает возможна только в поэзии.

Вся нелепость, вся дикая неестественность войны остро выражена Марией Петровых в пейзажных стихотворениях. Перед лицом природы нельзя себе представить ничего более ненужного и более безумного, чем война.

Пейзажные стихотворения Марин Петровых — и ранние и написанные в зрелые годы — воспринимаются как стихи о России, родной земле.

Человек и природа, родной пейзаж — эта тема проходит через всю поэзию Марии Петровых. Среди её ранних произведений, написанных в конце 20-х и в самом начале 30-х годов, выделяются именно пейзажные стихотворения («Лесное дно», «Соловей», «Из ненаписанной поэмы»). Это ярко и романтично написанные пейзажи или стихи на иную тему, но возникшие из пейзажа. Вот начало стихотворения 1930 года «Муза»:

Когда я ошибкой перо окуну,
Минуя чернильницу, рядом в луну, —
В ползучее озеро чёрных ночей,
В заросший мечтой соловьиный ручей, —
Иные созвучья стремятся с пера,
На них изумлённый налёт серебра,
Они словно птицы, мне страшно их брать,
Но строки, теснясь, заполняют тетрадь…

Ранние стихотворения М. Петровых отмечены интенсивностью цвета и образов. Её поэма о демоне «Карадаг» (1930) написана твёрдой врубелевской кистью:

Два пламени взметнулись врозь
Взамен двух крыльев и впервые
Земли коснулись…
Словно лось,
Огонь с трудом ворочал выей,
Качая красные рога.
Они, багровы и ветвисты,
Росли, вытягиваясь в свисты,
Нерадостные для врага…

Так мужественно, так ярко написана вся поэма. Позже, в зрелые годы, Петровых стала писать более сдержанно, тяготея к поэзии скрытого огня. Не случайно ей так дорог Пушкин: «Больше всего на свете я люблю Пушкина, — стихи, прозу, письма, статьи и весь его человеческий облик, его суть, сущность, люблю с малых лет и на всю жизнь».

Петровых писала в традиционном ключе и думала об одном — суметь бы. И чувство ответственности (всегда у Петровых обострённое) стало для неё чем-то вроде запрета, она больше писала для себя, печаталась крайне редко. То, что М. Петровых долго не печатала своих стихов, конечно, сковывало её возможности. Теперь бы наверстать упущенное. Мария Петровых — мастер, она многое может. Пусть будет плодотворным время её творческой и духовной зрелости.

II

Значительны успехи Петровых-переводчицы. Переводчик поэзии пишет стихи — пишет либо хорошо, либо плохо. Петровых-переводчица пишет прекрасно.

…Осенью 1944 года М. Петровых и В. Звягинцева приехали в Армению. Они переводили стихи молодых тогда поэтов Г. Боряна, С. Капутикян, М. Маркарян, Р. Ованесяна, Г. Эмина, А. Сагияна.

«Эго была замечательная, незабвенная осень, — вспоминает Петровых. — Мне мало пришлось поездить по Армении, но всё же я была в Эчмиадзине (даже на богослужении), была на Севане… Молодые поэты оказались на редкость одарёнными, работать над переводами было упоительно. Кроме того, мы с В. Звягинцевой много бродили по Еревану и окрестностям. Бывали в Норке, ходили к Зангу. Конечно, были в Матенадаране…

С тех пор — моя любовь к Армении, моя верность».

Есть у Петровых об этой поездке стихи:

Осень сорок четвёртого года.
День за днём убывающий зной.
Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.
Сокровенной счастливою тайной
Для меня эта осень жива,
Не случайно, о нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова…

Армянских стихов у Петровых немного. Образ Армении, говорит она, «ушёл в глубины глубин души». «Во мне её образ, не поддающийся словам, моим словам». Поездка оказалась плодотворной для Петровых-переводчицы. «Армения научила меня глубже, вернее

понимать, чувствовать армянскую поэзию. Терпкость Исаакяновской печали; чудесную раскованность, свободу Туманяна, его поэтический диапазон, естественное родство поэзии с прозой (которое так любил и ценил в искусстве Пастернак), его лукавый обаятельный юмор; Терьяна — трагического по самой его природе, при всём его жизнеутверждающем миропонимании, — трагического, Наири Зарьяна с его истинно поэтическим «Ара Прекрасным», со стихами, которые возникали сами по себе, как и должны возникать стихи…».

Стихами, которые возникали сами по себе, правильно было бы назвать также и переводы Марии Петровых. Для Петровых как переводчицы нет специально приспособленного для переводов русского языка. Она переплавляет стихи подлинника в новый языковый материал, пользуясь всем богатством, всей гибкостью русского языка. Это даёт ей возможность сохранить в переводе стилевые и интонационные особенности подлинника. Удачны переводы Петровых из Наири Зарьяна. Поэма Зарьяна «Тиран и поэт» (1939) звучит в её переводе сильно и свободно. В поэме рассказывается о восточном деспоте, пишущем стихи. Тиран жаждет похвал знаменитого поэта, но услышав правдивую речь о том, что он, царь, пишет плохо, приказывает бросить поэта в темницу.

Вот в башню Ануш поэт заточён.
О судьбах людских он мыслит в тиши.
В ответе своём не кается он —
Нет в мире темниц для вольной души.

И силится вновь жестокий тиран
Затмить Фирдуси в рубайях своих,
Он жаждет хвалы, тщеславием пьян,
Придворных зовёт оценивать стих.

. . . . . .

И падали ниц рабы суеты.
Нашёлся у всех один лишь ответ:
«Владыка, велик в поэзии ты,
Ты Дарий стиха, ты лучший поэт!

Так бейты слагать не мог бы иной.
Ты в тайны стиха всех глубже проник.
Коль был Фирдуси для бейтов луной,
Ты — солнце стиха, владыка владык!..»

Благодаря таланту Марии Петровых «Тиран и поэт» армянского писателя Наири Зарьяна звучит как русское стихотворение. Такой переводной поэзией не могут не дорожить читатели.

Ярким свидетельством мастерства Петровых-переводчицы явилась большая и трудная работа по переводу знаменитой трагедии Наири Зарьяна «Ара Прекрасный». М. Петровых отлично передала мужественный, дышащий глубокой страстью язык героев трагедии. Она сохранила высокий слог речи персонажей, не подменив его цветистостью, сохранила лапидарность языка, часто переходящую в афористичность. Петровых индивидуализировала язык героев трагедии и стиховыми приёмами: она допускает в речи ассирийцев женские и дактилические окончания, тогда как речи действующих лиц-армян имеют лишь мужские окончания, вообще характерные для армянского языка.

С высокой степенью приближения Петровых передаёт сердечную мягкость и суровую откровенность лирики Маро Маркарян:

Пишешь — и не то, не то, не то!
Где оно, сердечное горенье?
Жар души не сможешь ни за что
Весь как есть отдать в стихотворенье.
Разве искорки блеснут с листа,
Пробегая где-то между строчек.
Песня, даже лучшая, и та
Вдохновенья робкий переводчик…

Петровых хорошо чувствует переводимого поэта и старается быть близкой его голосу. В переводах из Рачия Ованесяна она сохраняет горячую восторженность его стихов:

И вновь я вином наполняю агат.
Вино золотистое солнцем прогрето,
В нём тёмных подвалов хмельной аромат…
Во славу друзей моих здравица эта!..

Близка Марии Петровых лирика Сильвы Капутикян. В своих переводах она верна её искреннему, сильному стиху. Работа над переводами из Капутикян всегда доставляет ей радость.

Словно убывающий Севан —
Жизнь моя… Бессонно мчатся годы.
Так Зангу несётся сквозь туман
И севанские уносит воды…

Работая над переводами этих стихов Сильвы Капутикян, М. Петровых, возможно, думала и о своей жизни. Творческая дружба Петровых и Капутикян глубока и плодотворна. Сильва Капутикян посвятила ей прекрасное стихотворение, выражающее дружбу двух поэтов и дружбу двух наших народов:

Высокая дружба подмены не хочет,
Не нужно ей фальши и лести ничьей.
Бывает, что чистые чувства порочат
Потоком неискренних, праздных речей.
. . . . . .
Мне кажется: предки, в тоске о свободе,
Искали такого тепла и добра.
Когда говорили о русском народе —
Они о тебе говорили, сестра!..[1]

(Пер. Веры Звягинцевой).

Так искренне, так горячо написала Капутикян о нашем друге, переводчике армянской поэзии.

Часто работу переводчика не замечают. Ещё более незаметна работа редактора. Мария Петровых многое сделала как редактор переводов из армянской поэзии. Под её редакцией выходили на русском языке стихи Аветика Исаакяна (1956 г.), Гегама Сарьяна (1947 г.), первая книга Сильвы Капутикян, несколько сборников Маро Маркарян. Сейчас Петровых занята большой и ответственной работой, она редактирует том поэзии Ованеса Туманяна, стихи которого в значительной мере скомпрометированы множеством посредственных,

[1] Сильва Капутикян. Раздумья на полпути. Изд-во «Советский писатель», М., 1963, стр. 32 – 33.

аморфных переводов. Петровых как редактор очень требовательна и очень добросовестна — она подолгу работает с переводчиками, помогает им.

Мария Петровых — самобытное явление в современной русской поэзии. Думая о её стихах, о том, что она так долго их не издавала, я вспоминаю строки из «Калевалы»:

Долго песни на морозе,
Долго скрытые лежали.
Не убрать ли их с мороза?
Песен с холода не взять ли?
Не внести ль ларец в жилище,
На скамью его поставить,
Под прекрасные стропила,
Под хорошей этой кровлей…[1]

Левон Мкртчян

[1] Калевала. Перевёл с финского А. И. Бельский. Гослитиздат, М., 1956, стр. 24.

ДАЛЬНЕЕ ДЕРЕВО

В годы войны

* * *

Мы начинали без заглавий,
Чтобы окончить без имён.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.

Я думаю о тех, которым
Раздоры ль вечные с собой
Иль нелюбовь к признаньям скорым
Мешали овладеть судьбой.

Не в расточительном ли детстве
Мы жили раньше? Не во сне ль?
Лишь в грозный год народных бедствий
Мы осознали нашу цель

И можем быть сполна в ответе
За счастье встреч и боль потерь…
Мы тридцать лет росли, как дети,
Но стали взрослыми теперь.

И яростную жажду славы
Всей жизнью утолить должны,
Когда Россия пишет главы
Освобождающей войны, —

Без колебаний, без помарок —
Страницы горя и побед,
А на полях широких ярок
Пожаров исступлённый свет...

Живи же, сердце, полной мерой,
Не прячь на бедность ничего
И непоколебимо веруй
В звезду народа твоего.

Теперь спокойно и сурово
Ты можешь дать на всё ответ,
И скажешь ты два кратких слова,
Два крайних слова: да и нет.

А я скажу: она со мною,
Свобода грозная моя!
Совсем моей, совсем иною
Жизнь начинается, друзья!

АПРЕЛЬ 1942 ГОДА

Свирепая была зима,
Полгода лютовал мороз.
Наш городок сходил с ума,
По грудь сугробами зарос.
Казалось, будет он сметён —
Здесь ветры с четырёх сторон,
Сквозь город им привольно дуть,
Сшибаясь грудь о грудь.
Они продрогший городок
Давно бы сдули с ног,
Но разбивалась впрах пурга
О тяжкие снега.

И вот апрель в календаре,
Земля в прозрачном серебре,
Хрустящем на заре.
И солнце светит горячей,
И за ручьём бежит ручей.
Скворцы звенят наперебой
И млеет воздух голубой,
И если б только не война,
Теперь была б весна.

* * *

Завтра день рожденья твоего.
Друг мой, чем же я его отмечу?
Если бы поверить в нашу встречу, —
Больше мне не надо ничего.

Ночью здесь такая тишина!
Звёзды опускаются на крышу,
Но как все, я здесь оглушена
Грохотом, которого не слышу.

Неужели ото всех смертей
Откупились мы любовью к детям?
Неужели родине своей
За себя достойно не ответим?

Это вздор! Не время клевете
И не место ложному смиренью,
Но за что же мы уже не те?
Кто мы в этом диком измереньи?..

Завтра день рожденья твоего.
Друг мой, чем же я его отмечу?
Если бы поверить в нашу встречу!
Больше мне не надо ничего.

СЕВАСТОПОЛЬ

Бело-синий город Севастополь,
Белокрылый город в синеве…
Моря ослепительная óпыль
В скверах оседала на траве.

Город с морем сомкнуты в содружьи,
Синей соли съедены пуды.
Дымной славой русского оружья,
Пушечным дымком несло с воды.

Белый камень в голубой оправе,
Ты у недруга в кольце тугом.
Город русской доблести, ты вправе
Горевать о времени другом.

Шрам широкий над крутою бровью
Ты через столетие пронёс,
А теперь лежишь, залитый кровью,
И морских не осушаешь слёз.

Слёзы эти — зарева кровавей —
Отольются гибелью врагу…
Белый пепел в голубой оправе
На осиротевшем берегу!

Тяжко, Севастополь, о как тяжко!
Где ж прославленная на века
Белая матросская рубашка,
Праздничная синь воротника!

Плачь о тех, что смертной мглой объяты,
Чьи могилы волнами кругом…
Ты ещё начнёшься, но себя ты
Не узнаешь в облике другом.

* * *

Я думала, что ненависть — огонь,
Сухое, быстродышащее пламя,
И что промчит меня безумный конь
Почти летя, почти под облаками…
Но ненависть — пустыня. В душной в ней
Иду, иду, и ни конца, ни краю,
Ни ветра, ни воды, но столько дней
Одни пески, и я трудней, трудней
Иду, иду, и может быть, вторая
Иль третья жизнь сменилась на ходу.
Конца не видно. Может быть, иду
Уже не я. Иду, не умирая…

НОЧЬ НА 6 АВГУСТА

В каком неистовом молчаньи
Ты замерла, притихла, ночь!..
Тебя ни днями, ни ночами
Не отдалить, не превозмочь.

Взволнованною тишиною
Объята из конца в конец,
Ты внемлешь надо всей страною
Биенью всех её сердец.

О как же им была близка ты,
Когда по небу и земле
Промчались первые раскаты
О Белгороде и Орле.

Всё вдохновенней, всё победней
Вставали громы в полный рост,
Пока двенадцатый, последний,
Не оказался светом звёзд.

И чудилось, что слёзы хлынут
Из самой трудной глубины —
Они хоть на мгновенье вынут
Из сердца злую боль войны!

Но время это не настало,
Лишь близко-близко подошло.
Ты не впустую, ночь, блистала, —
Нам от тебя и днём светло.

В нас тайный луч незатемнимый
Уже до дрожи напряжён.
Ты стала самою любимой,
Не подберёшь тебе имён.

ОСЕННИЕ ЛЕСА

1

Боже, как светло одеты,
В разном — в красном, в золотом!
На лесах сказалось лето
В пламени пережитом.

Солнце душу в них вложило —
Летней радуги красу.
Семицветное светило
Рдеет листьями в лесу.

Отрешившийся от зноя,
Воздух сразу стал чужим.
Отстранивший всё земное,
Он высок и недвижим.

А в лесах — за дивом диво.
Им не надо никого,
Как молитва, молчаливо
Лёгких листьев торжество.

Чтó красе их вдохновенной
Близкий смертный снежный мрак…
До чего самозабвенны,
Как бесстрашны — мне бы так!

2

Грустила я за свежими бревенчатыми стенами,
Бродила опустевшими лесами несравненными,
И светлыми дубровами, и сумрачными чащами
От пурпура — суровыми, от золота — молчащими.
Я увидала озими как в раннем детстве яркими, —
Великодушной осени весенними подарками.
В неполитом, в неполотом саду твоём стояла я…
Пылают листья золотом, любой — как солнце малое:
Что видывали зá лето от зноя неустанного —
По самый стебель налито и оживает заново.
Ни шелеста, ни шороха, — пройди всю глушь окрестную,
Лишь смутный запах пороха томит кору древесную.
Какими днями тяжкими нам эти чащи дороги!
За этими овражками стояли наши вороги.
Ломились в наши светлые заветные обители
И воды ясной Сетуни их тёмный образ видели.
Настигнутые пулями, о вольной воле певшими,
В свой праздник недогулянный, детоубийцы, — где ж они?..
Лишь смутный запах пороха хранит кора древесная.
Ни шелеста, ни шороха —тиха краса окрестная.
Как в утро это раннее, что разгорится досиня,
Мне по сердцу стояние самозабвенной осени!..
А ночь обступит звёздами —дремучая, прозрачная.
Одно к другому созданы — и мрак и свечи брачные…
Земля моя чудесная, чтó для тебя я сделаю,
Какой прославлю песнею всё светлое, всё смелое,
И тишину рассветную, и жизнь вот эту самую
И вас, друзья заветные, заветные друзья мои!..

3

Не наглядеться, не налюбоваться
На эту пламенеющую тишь,
Столь властную, что некуда податься,
И вместе с ней стоишь, горишь, молчишь.

Как памятник, надгробье страстотерпцам,
Что отстояли этот день большой
Единственным неповторимым сердцем,
Таинственной единственной душой,

Как жертвенник, неистово горящий
Во имя тех, которых молим жить, —
Высокая и пламенная чаща,
Её огня вовек не потушить.

Здесь прошлые, здесь будущие годы,
И чудится — впервые жизнь полна
Столь просветлённым воздухом свободы
От звёзд небесных до морского дна.

И беззаветно жить бы мне отныне,
Самозабвенным воздухом дыша,
Чтоб сердце стало крепче этой сини
И чище этой осени душа.

ЧИСТОПОЛЬ

Город Чистополь на Каме…
Нас дарил ты, чем богат.
Золотыми облаками
Рдел за Камою закат.
Сквозь тебя четыре ветра
Насмерть бились день и ночь.
Нежный снег ложился щедро,
А сиял — глазам невмочь.
Сверхъестественная сила
Небу здешнему дана:
Прямо в душу мне светила
Чистопольская луна,
И казалось, в мире целом
Навсегда исчезла тьма.
Сердце становилось белым,
Сладостно сходя с ума.
Отчуждённостью окраски
Живо всё и всё мертво —
Спит в непобедимой сказке
Город сердца моего.
Если б не росли могилы

В дальнем грохоте войны,
Как бы я тебя любила,
Город, поневоле милый,
Город грозной тишины!
Годы чудятся веками,
Но нельзя расстаться нам,
Дальний Чистополь на Каме,
На́ сердце горящий шрам.

* * *

Проснёмся, уснём ли —война, война.
Ночью ли, днём ли — война, война.
Сжимает нам горло, лишает сна,
Путает имена.

О чём ни подумай — война, война.
Наш спутник угрюмый — она одна.
Чем дальше от битвы, тем сердцу тесней,
Тем горше с ней.

Восходы, закаты —всё ты одна.
Какая тоска ты — война, война!
Мы знаем, что с нами
Рассветное знамя,
Но ты, ты, проклятье, — темным-темна.
Где павшие братья, — война, война!
В безвестных могилах…
Мы взыщем за милых,
Но крови святой неоплатна цена.

Как солнце багрово! Всё ты, одна.
Какое ты слово: война, война…
Как будто на слове
Ни пятнышка крови,
А свет всё багровей во тьме окна.

Тебе говорит моя страна:
Мне трудно дышать, — говорит она, —
Но я распрямлюсь, и на все времена
Тебя истреблю, война!

Из ранних стихов

МУЗА

Когда я ошибкой перо окуну,
Минуя чернильницу, рядом, в луну, —
В ползучее озеро чёрных ночей,
В заросший мечтой соловьиный ручей, —
Иные созвучья стремятся с пера,
На них изумлённый налёт серебра,
Они словно птицы, мне страшно их брать,
Но строки, теснясь, заполняют тетрадь.
Встречаю тебя, одичалая ночь,
И участь у нас и начало точь-в-точь —
Мы обе темны для неверящих глаз,
Одна и бессмертна отчизна у нас.
Я помню, как день тебя превозмогал,
Ты помнишь, как я откололась от скал,
Ты вечно сбиваешься с млечных дорог,
Ты любишь скрываться в расселинах строк.
Исчадье мечты, черновик соловья,
Читатель единственный, муза моя,
Тебя провожу, не поблагодарив,
Но с пеной восторга, бегущей от рифм.

СКАЗОЧКА

Наверху — дремучий рёв,
Но мятели я не внемлю —
Сладко спится под землёй.
Дрёма бродит меж дерёв,
Да постукивает землю
Промороженной змеёй.

Зиму — пролежу молчком,
Летом — прогляну в бурьяне, —
Ни о чём не вспомню я.
Раздвоённым язычком
Тёмно-синее сиянье
Выжгла на сердце змея.

И не с этой ли змеёй
Дрёма бродит надо мной?

* * *

А на чердак — попытайся один!
Здесь тишина всеобъемлющей пыли,
Сумрак, осевший среди паутин,
Там, где когда-то его позабыли.

От раскалённых горячечных крыш
Сладко и тошно душе до отказа.
Спит на стропилах летучая мышь,
Дремлет средь хлама садовая ваза.

Ваза разбита: но вижу на ней,
Не отводя восхищённого взгляда, —
Шествие полуодетых людей
С тяжкими гроздьями винограда.

Дальше — слежавшаяся темнота,
Ужасы, что накоплялись годами,
Дрёма, и та, без названия, — та,
Что отовсюду следила за нами.

Нет, я туда подойти не смогу.
Кто-то оттуда крадётся по стенке,
Прыгнул!.. Но я далеко, — я бегу,
Падаю и расшибаю коленки…
. . . . . .

Помню и лес, и заросший овраг, —
Было куда изумлению деться.
Всё — незабвенно, но ты, чердак,
Самый любимый свидетель детства.

* * *

Неукротимою тревогой
Переполняется душа.
Тетради жаждущей не трогай,
Но вслушивайся не дыша:

Тебя заставит чья-то воля
Ходить от стула до стены,
Ты будешь чувствовать до боли
Пятно в луне и плеск волны,

Ты будешь любоваться тенью,
Отброшенною от стихов, —
Не человек и не смятенье:
Бог, повергающий богов.

Но за величие такое,
За счастье музыкою быть,
Ты не найдёшь себе покоя,
Не сможешь ничего любить, —

Ладони взвешивали слово,
Глаза следили смену строк…
С отчаяньем ты ждёшь былого
В негаданный, нежданный срок,

А новый день беззвучен будет, —
Для сердца чужд, постыл для глаз,
И ночь наставшая забудет,
Что говорила в прошлый раз.

Из ненаписанной поэмы

Когда из рук моих весло
Волною выбило, — меня
Крутило, мучило, несло
Безумие водоогня.
Я душу предала волнам,
Я сил небесных не звала,
Не знаю, как возникли там —
Вздымая небо —два крыла.
По волнам тени пронеслись
И замер разъярённый хор…
Очнулась я.
                Медузья слизь,
Песок да пена… До сих пор
Я в жизнь поверить не могу,
В моей груди кипела смерть,
И вдруг на тихом берегу
Я пробудилась, чтоб узреть
Черты пленительной земли,
Залив, объятый тишиной,
Одни гробницы гор вдали
Напоминали край иной.
Направо — мыс: глубóко врыт
В золото-серые пески
Священный ящер, будто скрыт
От тягостной людской тоски.
То — пращур тишины земной,
Прищуренных на небо глаз.
Он как бы вымолвит: «За мной —
Я уведу обратно вас!»
Солнцебиенье синих волн,
Хоть на мгновение остынь,
Чтоб мир был тишиною полн
И жил движением пустынь.

Долина далее… Такой
Я не видала никогда, —
Здесь в еле зыблемый покой
Переплавляются года,
И времени над нею нет,
Лишь небо древней синевы
Да золотой весёлый свет
В косматой седине травы…

МОРЕ

Тебя, двуполое, таким —
Люблю. Как воздух твой прозрачен!
Но долгий сон невыносим, —
Твой норов требует: иначе!

Наскучил сизый, и любой
Рождаешь ты из мглы глубокой, —
Лиловый или голубой
Или зелёный с поволокой.

Днём —солнце плавает по дну,
Пугая встречного дельфина.
Разрезать крепкую волну —
В ней солнечная сердцевина!

Но отступают от скалы,
Почуя тишину ночную,
Тёмно-зелёные валы
И замыкаются вплотную,

И поднимается луна
Над горизонтом напряжённым,
Сквозь море спящее она
Проходит трепетом бессонным.

Одной на свете жить нельзя:
В воде дрожит луна другая,
А волны блещут, голося,
О чёрный берег ударяя…

КАРАДАГ

(поэма)

Сюда, рыдая, он сбежал
С обрыва. На нетленном теле
Багровой кровью пламенели
Ожоги разъярённых жал
Опалы божьей.
Даже море

Сужалось в ужасе пред ним
И зябло, отразясь во взоре
Зрачков огромных.
Недвижим
Стоял он. Тягостные крылья
Не слушались, и он поник
На камни и в тоске бессилья
Оцепенел, но в тот же миг
Воспрянул он и заломил
Свои израненные руки,
И вырвал крылья, и без сил
На камни рухнул вновь…
Сквозь муки
Два пламени взметнулись врозь
Взамен двух крыльев и впервые
Земли коснулись…
Словно лось,
Огонь с трудом ворочал выей,
Качая красные рога.
Они, багровы и ветвисты,
Росли, вытягиваясь в свисты,
Нерадостные для врага.

Изгнанник встал и посмотрел
На всплески пламени, на племя
Огней. Не по-земному смел
Был взгляд его.
В тяжёлом шлеме
Златых волос его глава
Являла новое светило.
Он прыгнул в пламя, — это было
Жестоким жестом торжества.

Огонь, кормивший корни крыл,
На волю выпущен отныне,
Затем, чтоб навсегда сокрыл
Тирана райского, в гордыне
Тучноскучающего.
Месть
Отрадней жизни для изгоя.
Качаясь в пламени, он весь
Был полон музыкой покоя
Иль вдохновением: он — бог,
Он — гибнет, но и ТОТ ведь тоже! —
Ты будешь уничтожен, боже,
Презренный райский лежебок,
Творец раскаявшийся!.. —
Так
Кричал он, облачённый в пламя,
Как в плащ дымящийся. Но враг

Не отвечал.
Огонь волнами
Валил к луне, огонь простёр
Последний взлёт и вдруг разжалась
Твердь,
и разгневанный костёр
Ворвался внутрь…
— Какую малость
Я отдал, чтоб изъять тебя, —
Вопило пламя, —
Как просторно
Жить, униженье истребя!..
Но вспыхнул блеск зарницы чёрной
Из пустоты,
и пламя вдруг
Окаменело, а кричащий —
Без головы, без ног, без рук, —
Обрубком вырвался из чащи
Рыданий каменных, и ветр
Вознёс его на горб вершины
И там он врос в гранит…
Из недр
К нему вздымаются руины
Пожарища, к нему толпой
Стремятся каменные копья
И в рёве замерший прибой —
Окаменевшее подобье
Былого пламени…
Кругом,
Как яростные изуверы,
Ощерившиеся пещеры
Не дрогнув принимают гром.
Костёр, что здесь торжествовал, —
Застыл на вечное увечье,
Здесь камни и обломки скал —
Подобие нечеловечьей
Могучей гибели…
Лишь мох
Краями хладного обвала
Струится, словно жаркий вздох
Души, что здесь отбушевала.

Коктебель, 1930.

ЛЕСНОЕ ДНО

О, чаща трепещущей чешуи,
Мильонно-зелёное шелестенье,
Мне в сердце — сребристые бризы твои,
В лицо мне — твои беспокойные тени.

Я зыбко иду под крылатой водой,
Едва колыхаюсь волнами прохлады.
Мне сел на ладонь соловей молодой
И дрожью откликнулись в листьях рулады.

Я вижу сосны неподвижный коралл,
Увенчанный тёмно-игольчатой тучей…
Кто мутным огнём этот ствол покрывал?
Кто сучья одел в этот сумрак колючий?

Я знаю, — под грубой корою берёз
Сокрыта прозрачнейшая сердцевина.
Их ветви склонило обилие слёз,
Зелёных, как листья, дрожащих невинно,

И памяти чёрные шрамы свежи
На белых стволах… Это — летопись леса.
Прочесть лишь начало — и схлынет с души
Невидимая вековая завеса.

И вдруг засветился мгновенным дождём
Весь лес, затенённый дремучими снами…
Как горько мы жаждем, как жадно мы ждём
Того, что всегда и везде перед нами!

СОЛОВЕЙ

Там, где хвои да листвы
Изобилие слепое —
Соловей плескал во рвы
Серебром… От перепоя
Папоротник изнемог,
Он к земле приник, дрожащий…
Зря крадётся ветерок
В разгремевшиеся чащи.
Он — к своим. Но где свои?
Я молчу, спастись не чая:
Беспощадны соловьи,
Пламень сердца расточая.
Прерывающийся плач
Оскорблённой насмерть страсти
Так беспомощно горяч
И невольной полон власти.

Он взмывает, он парит,
А потом одно и то же;
Заикающийся ритм,
Пробегающий по коже…
В заколдованную сеть
Соловей скликает звёзды,
Чтобы лучше рассмотреть,
Чтоб друзьям дарить под гнёзда…
То ли праздная игра,
То ли это труд бессонный, —
Трепетанье серебра,
Вопли, выплески и стоны,
Ночь с надклёванной луной,
Бор, что стал внезапно молод,
И просвистанный, сквозной,
Надо всем царящий — холод.

Стихи разных лет

* * *

Когда на небо синее
Глаза поднять невмочь,
Тебе в ответ, уныние,
Возникнет слово: дочь.

О, чудо светлолицее,
И нежен и высок —
С какой сравнится птицею
Твой лёгкий голосок!

Клянусь — необозримое
Блаженство впереди,
Когда ты спишь, любимая,
Прильнув к моей груди.

Тебя держать, бесценная,
Так сладостно рукам.
Не комната — вселенная,
Иду — по облакам.

И сердце непомерное
Колышется во мне,
И мир, со всею скверною,
Остался где-то, вне.

Мной ничего не сказано,
Я не сумела жить,
Но ты вдвойне обязана
И ты должна свершить.

Быть может, мне заранее,
От самых первых дней,
Дано одно призвание —
Стать матерью твоей.

В тиши блаженства нашего
Кляну себя: не сглазь!
Мне счастье сгинуть заживо
И знать, что ты сбылась.

* * *

Ты думаешь, что силою созвучий
Как прежде жизнь моя напряжена.
Не думай так, не мучай так, не мучай, —
Их нет во мне, я как в гробу одна.

Ты думаешь — в безвестности дремучей
Я заблужусь, отчаянья полна.
Не думай так, не мучай так, не мучай, —
Звезда твоя, — она и мне видна.

Ты думаешь — пустой ничтожный случай
Соединяет наши имена.
Не думай так, не мучай так, не мучай,
Я — кровь твоя и я тебе нужна.

Ты думаешь о горькой неминучей
Глухой судьбе, что мне предрешена.
Не думай так: мятётся прах летучий.
Но глубь небес таинственно ясна

* * *

Не взыщи, мои признанья грубы,
Ведь они под стать моей судьбе.
У меня пересыхают губы
От одной лишь мысли о тебе.

Воздаю тебе посильной данью —
Жизнью, воплощённою в мольбе,
У меня заходится дыханье
От одной лишь мысли о тебе.

Не беда, что сад мой смяли грозы,
Что живу — сама с собой в борьбе,
Но глаза мне застилают слёзы
От одной лишь мысли о тебе.

* * *

Мы смыслом юности влекомы
В простор надземной высоты —
С любой зарницею знакомы,
Со всеми звёздами «на ты».

Земля нам кажется химерой
И родиною — небеса.
Доходит к сердцу полной мерой
Их запредельная краса.

Но на сердце ложится время,
И каждый к тридцати годам
Не скажет ли: я это бремя
За бесконечность не отдам.

Мы узнаём как бы впервые
Леса, и реки, и поля,
Сквозь переливы луговые
Нам улыбается земля.

Она влечёт неодолимо,
И с каждым годом всё сильней.
Как женщина неутолима
В жестокой нежности своей.

И в ней мы любим что попало,
Забыв надземную страну, —
На море грохотанье шквала,
Лесов дремучих тишину,

Равно и грозы и морозы,
Равно и розы и шипы,
Весь шум разгорячённой прозы,
Разноголосый гул толпы.

Мы любим лето, осень, зиму,
Ещё томительней — весну,
Затем, что с ней невыносимо
Земля влечёт к себе, ко сну.

Она отяжеляет на́лежь
Опавших на сердце годов,
И успокоится тогда лишь
От обольщающих трудов,

Когда в себя возьмёт всецело.
Пусть мёртвыми — ей всё равно.
Пускай не душу, только тело…
(Зачем душа, когда темно!)

И вот с единственною, с нею,
С землёй, и только с ней вдвоём
Срастаться будем всё теснее,
Пока травой не изойдем.

* * *

Глубокий, будто тёмно-золотой,
Похожий тоном на твои глаза,
Божественною жизнью налитой,
Прозрачный, точно детская слеза,
Огромный, как заоблаченный гром,
Непогрешимо-ровный, как прибой,
Незапечатлеваемый пером
Звук сердца, ставшего моей судьбой.

* * *

Не плачь, не жалуйся, не надо,
Слезами горю не помочь.
В рассвете кроется награда
За мученическую ночь.

Сбрось пламенное покрывало
И платье наскоро надень,
И уходи куда попало
В разгорячающийся день.

Тобой овладевает солнце.
Его неодолимый жар
В зрачках блеснёт на самом донце,
На сердце ляжет, как загар.

Когда в твоём сольётся теле
Владычество его лучей,
Скажи по правде — неужели
Тебя ласкали горячей?

Поди к реке и кинься в воду
И если можешь — поплыви.
Какую всколыхнёшь свободу,
Какой доверишься любви!

Про горе вспомнишь ты едва ли
И ты не назовёшь — когда
Тебя нежнее целовали
И сладостнее, чем вода.

Ты вновь желанна и прекрасна
И ты опомнишься не вдруг
От этих ласково и властно
Струящихся по телу рук.

А воздух? Он с тобой до гроба,
Суровый или голубой,

Вы счастливы на зависть оба,
Ты дышишь им, а он тобой.

И дождь придёт к тебе по крыше,
Всё то же вразнобой долбя.
Он сердцем всех прямей и выше,
Всю ночь он плачет про тебя.

Ты видишь — сил влюблённых много.
Ты их своими назови.
Неправда, ты не одинока
В твоей отвергнутой любви.

Не плачь, не жалуйся, не надо,
Слезами горю не помочь,
В рассвете кроется награда
За мученическую ночь.

* * *

Лишь в буре — приют и спасение,
Под нею ни ночи ни дня.
Родимые ветры осенние,
Хоть вы не оставьте меня!

Вы пылью засыпьте глаза мои,
И я распознать не смогу,
Что улицы всё те же самые
На том же крутом берегу,

Что город всё тот же по имени,
Который нас видел вдвоём…
Хотя бы во сне — позови меня,
Дай свидеться в сердце твоём!

* * *

Говорят, от судьбы не уйдёшь.
Ты над этим смеёшься? Ну что ж,
Покажи мне, любимый, звезду,
По которой тебя не найду,
Покажи мне, любимый, пути,
На которых тебя не найти,
Покажи мне, любимый, коня,
Которым объедешь меня.

* * *

Какой обильный снегопад в апреле,
Как трудно землю покидать зиме!
И вновь зима справляет новоселье,
И вновь деревья в снежной бахроме.

Под ярким солнцем блещет снег весенний.
Взгляни, как чётко разлинован лес:
Высоких сосен правильные тени
По белизне легли наперерез.

Безмолвие страницы разграфлённой
Как бы неволит что-то написать,
Но от моей ли немоты бессонной
Ты слова ждёшь, раскрытая тетрадь!

А пóд вечер предстал передо мною
Весь в перечёрках черновик живой,
Написанный осыпавшейся хвоей
И веточками и сухой листвой,

И шишками и гарью паровозной,
Что ветром с полустанка нанесло,
А почерк — то весёлый, то серьёзный,
И подпись различаю и число.

Не скрыть врождённый дар — он слишком ярок,
Я только позавидовать могу,
Как не страшась ошибок и помарок
Весна стихи писала на снегу.

* * *

Бредёшь в лесу, не думая, что вдруг
Ты станешь очевидцем некой тайны,
Но всё открыл случайный взгляд вокруг —
Разоблачения всегда случайны.

В сосновой чаще плотный снег лежит, —
Зима в лесу обосновалась прочно,
А рядом склон сухой листвой покрыт, —
Здесь осени участок неурочный.

Шумят ручьи, бегут во все концы, —
Весна, весна! Но в синеве прогретой
Звенят вразлив не только что скворцы, —
Малиновка, — уж это ли не лето!

Я видела и слышала сама,
Как в чаще растревоженного бора

Весна и лето, осень и зима
Секретные вели переговоры.

* * *

Весна и снег. И непробудный
В лесу заснеженном покой.
Зиме с землёй расстаться трудно,
Как мне с тобой, как мне с тобой.

* * *

— Но в сердце твоём я была ведь?
— Была:
Блаженный избыток, бесценный излишек…
— И ты меня вытоптал, вытравил, выжег?..
— Дотла, дорогая, дотла.

— Неправда. Нельзя истребить без следа.
Неясною тенью, но я же с тобою,
Сквозь горе любое и счастье любое
Невольно с тобою — всегда.

* * *

У меня большое горе,
И плакать не могу.
Мне бы добрести до моря,
Упасть на берегу.

Не слезами ли, родное,
Плещешь через край?
Поделись хоть ты со мною,
Дай заплакать, дай!

Дай солёной, дай зелёной,
Золотой воды,
Синим солнцем прокалённой,
Горячей моей беды.

Я на перекрёсток выйду,
На колени упаду.
Дайте слёз омыть обиду,
Утолить беду!

О животворящем чуде
Умоляю вас:
Дайте мне, родные люди,
Выплакаться только раз!

Пусть мольба моя нелепа,
Лишь бы кто-нибудь принёс, —
Не любви прошу, не хлеба, —
Горсточку горючих слёз.

Я бы к сердцу их прижала,
Чтобы в кровь мою вошло
Обжигающее жало,
От которого светло.

Словно от вины тягчайшей,
Не могу поднять лица…
Дай же кто-нибудь, о дай же
Выплакаться до конца,

До заветного начала,
До рассвета на лугу…
Слишком больно я молчала,
Больше не могу.

* * *

За окном шумит листва густая —
И благоуханна и легка, —
Трепеща, темнея и блистая
От прикосновенья ветерка.

И за нею — для меня незримы,
Рядом — но как будто вдалеке, —
Люди, что всегда проходят мимо,
Дети, что играют на песке,

И шоссе в движеньи непрестанном
И ваганьковская тишина.
Я от них волненьем и блистаньем,
Трепетом живым отрешена…

Вянет лето, превращаясь в осень.
Август отошёл, и вот, спеша,
Ветер листья рвёт, швыряет оземь,
Откровенным холодом дыша.

И в окне, наполнившемся светом, —
Всё, что близко, всё, что далеко,
Всё как есть, что было скрыто летом,
Вдруг возникло чётко и легко.

Если чудо — говори о чуде,
Сочетавшем радость и печаль.
Вот они — невидимые люди!
Вот она — неведомая даль!

* * *

Но разве счастье взять руками голыми? —
Оно сожжёт.
Меня швыряло из огня да в полымя
И вновь — об лёд,
И в кровь о камень сердца несравненного, —
До забытья…
Тебя ль судить, — бессмертного, мгновенного,
Судьба моя!

* * *

Осень сорок четвёртого года.
День за днём убывающий зной.
Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.

Сокровенной счастливою тайной
Для меня эта осень жива.
Не случайно, о нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова, —

Будто воду из глуби колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат.

* * *

Оглянусь — окаменею.
Жизнь осталась позади.
Ночь длиннее, день темнее.
То ли будет, погоди.

У других — пути-дороги,
У других — плоды труда,
У меня — пустые строки,
Горечь тайного стыда.

Вот уж правда: что посеешь…
Поговорочка под стать.
Наверстай-ка что сумеешь,
Что успеешь наверстать!

Может быть, перед могилой
Узнаём в последний миг
Всё что будет, всё что было…
О, немой предсмертный крик!

Ни пощады, ни отсрочки
От беззвучной темноты…
Так не ставь последней точки
И не подводи черты.

* * *

Год, в разлуке прожитый,
Близится к весне.
Что же ты, ах, что же ты
Не придёшь ко мне!

Мне от боли старящей
Тесно и темно,
В злой беде товарища
Покидать грешно.

Приходи, не думая,
Просто приходи.
Что ж тоску угрюмую
Пестовать в груди!

Все обиды кровные
Замела пурга.
Видишь — поле ровное,
Белые снега.

* * *

Тихие воды, глубокие воды,
Самозащита немой свободы…
Хуже ли те, что бесстрашно мчатся,
Смеют начаться, смеют кончаться,
Память несут о далёком истоке.
Вы же молчите, недвижны, глубоки, —
Не о чем вспомнить, не о чем грезить…
Вам повидать бы Арагву иль Бесядь —
Их обречённость, самозабвенье,
Самоубийство, саморожденье…
Вашей судьбою, стоячие воды,
Только глухие, незрячие годы,
Намертво сомкнутые уста,
Холод и темень и немота.

* * *

Назначь мне свиданье
на этом свете.
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетьи.

Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!
Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным,
Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.
Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоём по окрайнам,
Меж домиков тесных,
по улочкам узким,
Где нам отвечали с акцентом нерусским.
Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки
сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чём-то прекрасном.
Тропинка всё выше кружила над бездной…
Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?..
Числа я не знаю,
но с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.
Пусть годы умчатся в круженьи обратном
И встретимся мы в переулке Гранатном…
Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.
Друг другу навстречу
по-прежнему выйдем,
Пока ещё слышим,
Пока ещё видим,
Пока ещё дышим,
И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю:
назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье,
хотя б на мгновенье,
На площади людной,
под бурей осенней,
Мне трудно дышать, я молю о спасеньи…
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

* * *

Ты не становишься воспоминаньем.
Как десять лет назад, мы до сих пор
Ведём наш сокровенный разговор,
Встречаясь, будто на рассвете раннем.
Нам хорошо и молодо вдвоём,
И мы всегда идём, всегда идём,
Вверяясь недосказанным признаньям
И этой чуть раскрывшейся листве,
Пустому парку, резкой синеве
Холодных майских дней и полувзглядам,
Что сердцу говорят прямее слов
О радости, что мы, как прежде, рядом…
Минутами ты замкнут и суров.
Жестокой мысли оборвать не хочешь,
Но вот опять и шутишь и хохочешь,
Самозабвенно радуясь всему —
И солнцу, и нехоженой дорожке,
И полусказочной лесной сторожке,
И тайному смятенью моему…

Мне верилось, что это лишь начало,
Что это лишь преддверие чудес,
Но всякий раз, когда тебя встречала,
Я словно сердцу шла наперерез…
И я ещё живу, ещё дышу,
Ещё брожу одна по тёмным чащам,
И говорю с тобою, и пишу,
Прошедшее мешая с настоящим…
Минутами ты замкнут и суров.
А я была так близко, так далёко
С тобой, с твоей душою одинокой
И не могла, не находила слов —
Заговорить с тобой о самом главном,
Без переходов, сразу, напрямик…
Мой ангел, на пути моём бесславном
Зачем явился ты, зачем возник!

Ты был моей любовью многолетней,
А я — твоей надеждою последней,
И не нашла лишь слова одного,
А ты хотел его, ты ждал его,
Оно росло во мне, но я молчала,
Мне верилось, что это лишь начало.

Я шла не видя и не понимая
Предсмертного страданья твоего.
Я чувствовала светлый холод мая
И ты со мной, и больше ничего…

О как тебя я трепетно касалась!
Но счастье длилось до того лишь дня,
Пока ты жил, пока не оказалось,
Что даже смерть желаннее меня.

* * *

Давно я не верю надземным широтам,
Я жду тебя здесь за любым поворотом —
Я верю, душа остаётся близ тела
На этом же свете, где счастья хотела,
На этом, где всё для неё миновалось,
На этом, на этом, где с телом рассталась,
На этом, на этом, другого не зная,
И жизнь бесконечна, — родная, земная…

* * *

Пожалейте пропавший ручей!
Он иссох, как душа иссыхает.
Не о нём ли средь душных ночей
Эта ива сухая вздыхает!
Здесь когда-то блестела вода,
Убегала безвольно, беспечно.
В жаркий полдень поила стада
И не знала, что жить ей не вечно,
И не знала, что где-то вдали
Неприметно иссякли истоки,
А дожди этим летом не шли,
Только зной распалялся жестокий.
Не пробиться далёкой струе
Из заваленных наглухо скважин…
Только ива грустит о ручье,
Только мох на камнях ещё влажен.

* * *

— Чёрный ворон, чёрный вран,
Был ты вором иль не крал?
— Крал, крал.
Я белее был, чем снег,
Я украл ваш краткий век.
Сколько вас пошло травой,
Я один за всех живой.
— Чёрный ворон, чёрный вран,
Был ты вором иль ты врал?
— Врал, врал.

* * *

Подумай, разве в этом дело,
Что ты судьбы не одолела,
Не воплотилась до конца,
Иль будто и не воплотилась,
Звездой падучею скатилась,
Пропав без вести, без венца?
Не верь, что ты в служеньи щедром
Развеялась, как пыль под ветром.
Не пыль — цветочная пыльца!

Не зря, не даром всё прошло,
Не зря, не даром ты сгорела,
Коль сердца твоего тепло
Чужую боль превозмогло,
Чужое сердце отогрело.
Вообрази — тебя уж нет,
Как бы и вовсе не бывало,
Но светится твой тайный след
В иных сердцах… Иль это мало —
В живых сердцах оставить свет?

ЧЕРТА ГОРИЗОНТА

Вот так и бывает; живёшь — не живёшь,
А годы уходят, друзья умирают,
И вдруг убедишься, что мир непохож
На прежний, и сердце твоё догорает.

Вначале черта горизонта резка, —
Прямая черта между жизнью и смертью,
А нынче так низко плывут облака,
И в этом, быть может, судьбы милосердье.

Тот возраст, который с собою принёс
Утраты, прощанья, — наверное он-то
И застил туманом непролитых слёз
Прямую и резкую грань горизонта.

Так много любимых покинуло свет,
Но с ними беседуешь ты, как бывало,
Совсем забывая, что их уже нет…
Черта горизонта в тумане пропала.

Тем проще, тем легче её перейти, —
Там эти же рощи и озими эти ж…
Ты просто её не заметишь в пути,
В беседе с ушедшим — её не заметишь.

* * *

На свете лишь одна Армения,
Она у каждого — своя.
От робости, от неумения
Её не воспевала я.

Но как же я себя обидела —
Я двадцать лет тебя не видела,
Моя далёкая, желанная,
Моя земля обетованная!

Поверь, любовь моя подспудная,
Что ты — мой заповедный клад,
Любовь моя — немая, трудная,
Любое слово ей не в лад.

Со мною только дни осенние
И та далёкая гора,
Что высится гербом Армении
В снегах литого серебра.

Та величавая двуглавая
Родная дальняя гора,
Что блещет вековечной славою,
Как мироздание стара.

И тайна острова севанского,
Где словно дань векам седым —
И своды храма христианского
И жертвоприношений дым.

Орлы Звартноца в камень врублены,
Их оперенье — ржавый мох…
О край далёкий, край возлюбленный,
Мой краткий сон, мой долгий вздох.

Над всей страной — дыханье гения
И вдохновенья и труда.
Кто повидал тебя, Армения, —
С тобой всегда, с тобой всегда.

* * *

Судьба за мной присматривала в оба,
Чтоб вдруг не обошла меня утрата.
Я потеряла друга, мужа, брата,
Я получала письма из-за гроба.

Она ко мне внимательна особо
И на немые муки таровата.
А счастье исчезало без возврата…
За что, я не пойму, такая злоба?

И всё исподтишка, всё шито-крыто.
И вот сидит на краешке порога
Старуха у разбитого корыта.

— А что? —сказала б ты, —и впрямь старуха.
Ни памяти, ни зрения, ни слуха.
Сидит, бормочет про судьбу, про бога…

* * *

Что делать! Душа у меня обнищала
И прочь ускользнула.
Я что-то кому-то наобещала
И всех обманула.
Но я не нарочно, а так уж случилось,
И жизнь на исходе.
Что делать! Душа от меня отлучилась
Гулять на свободе.
И где она бродит? Кого повстречала?
Чему удивилась?..
А мне без неё не припомнить начала,
Начало забылось.

* * *

Одна на свете благодать —
Отдать себя, забыть, отдать
И уничтожиться бесследно.
Один на свете путь победный —
Жить как бегущая вода:
Светла, беспечна, молода,
Она теснит волну волною
И пребывает без труда
Всё той же и всегда иною,
Животворящею всегда.

* * *

Но только и было что взгляд издалёка,
Горячий сияющий взгляд на ходу.
В тот день облака проплывали высóко
И астры цвели в подмосковном саду.
Послушай, в каком это было году?..
С тех пор повторяю: а помнишь, а знаешь?
И нечего ждать мне, и всё-таки жду.
Я помню, я знаю, что ты вспоминаешь
И сад подмосковный, и взгляд на ходу.

* * *

От зноя воздух недвижим,
Деревья как во сне.
Но что же с деревом одним
Творится в тишине?

Когда в саду ни ветерка,
Оно дрожмя дрожит…
Чтó это, — страх или тоска,
Тревога или стыд?

Что с ним случилось? Что могло б
Случиться? Посмотри,
Как пробивается озноб
Наружу изнутри.

Там сходит дерево с ума,
Не знаю почему.
Там сходит дерево с ума,
А что с ним — не пойму.

Иль хочет что-то позабыть
И память гонит прочь?
Иль что-то вспомнить, может быть,
Но вспоминать невмочь?

Трепещет, как под топором,
Ветвям невмоготу, —
Их лихорадит серебром,
Их клонит в темноту.

Не в силах дерево сдержать
Дрожащие листки.
Оно бы радо убежать,
Да корни глубоки.

Там сходит дерево с ума
При полной тишине.
Не более, чем я сама,
Оно понятно мне.

СКАЗКА

Очарованье зимней ночи,
Воспоминанья детских лет…
Пожалуй, был бы путь короче
И замело бы санный след,

Но от заставы Ярославской
До Норской фабрики, до нас —
Двенадцать вёрст морозной сказкой
Под звёздным небом в поздний час…

Субботним вечером за нами
Прислали тройку. Мы с сестрой
Садимся в сани. Над санями
Кружит снежинок лёгкий рой.

Вот от дверей начальной школы
Мы тронулись. На облучке —
Знакомый кучер в долгополой
Овчинной шубе, в башлыке.

И вот уже столбы заставы,
Её двуглавые орлы.
Большой больничный сад направо…
Кусты черны, снега белы,

Пустырь кругом, строенья редки.
Темнее ночь, сильней мороз.
Чуть светятся седые ветки
Екатерининских берёз.

А лошади рысцою рядом
Бегут… Почтенный коренник
Солидно вскидывает задом.
Он строг и честен, он старик.

Бежит, бряцая селезёнкой,
Разумный конь, а с двух сторон
Шалят пристяжки, как девчонки,
Но их не замечает он.

Звенит бубенчик под дугою,
Поют полозья в тишине,
Но что-то грезится другое
В заворожённом полусне.

На горизонте лес зубчатый,
Таинственный волшебный лес.
Там в чаще — угол непочатый
Видений, страхов и чудес.

Вот королевич серым волком
Подходит к замку на горе…
Неверный свет скользит по ёлкам,
По чёрным ёлкам в серебре.

Спит королевна непробудно,
И замок в чарах забытья.
Самой себе признаться трудно,
Что королевна — это я…

Настоян на морозе воздух
И крепок так, что не вздохнуть.
И небо — в нелюдимых звёздах,
Чужая, нежилая жуть.

Всё на земле роднее, ближе.
Вот телеграфные столбы
Гудят всё то же, а поди же,
Ведь это песня ворожбы.

Неодолимая дремота
В том звуке, ровном и густом…
Но вот фабричные ворота,
Всё ближе, ближе, ближе дом.

Перед крылечком санный полоз
Раскатывается скользя,
И слышен из прихожей голос,
Который позабыть нельзя.

* * *

О чём же, о чём, если мир необъятен?..
Я поздно очнулась, кругом ни души.
О чём же? О снеге? О солнце без пятен?
А если и пятна на нём хороши?..
О людях? Но либо молчание, либо
Лишь правда, а мне до неё не дойти.
О жизни?.. Любовь моя, свет мой, — спасибо.
О смерти?.. Любовь моя, свет мой — прости.

* * *

Не за то ли, что только гроза
Нам на мир открывает глаза,
И пред нами, хорош или плох,
Предстаёт он, застигнут врасплох,
Озарён то вверху, то внизу, —
Не за это ль мы любим грозу?

Что́ при свете дневном разберёшь,
Примиряющем с правдою ложь?
Безучастный равно ко всему,
Он легко переходит во тьму.

Что́ увидишь во мраке ночном?
Он смешал, одурманенный сном,
Всё, что живо, и всё, что мертво,
Он не видит себя самого.

Но случится лишь ветру начать
Вековые деревья качать, —
Встрепенётся, очнётся листва,
Зашумит: я жива, я жива!
Редкий дождь пробежит вперебой
По траве, от зарниц голубой,
В чаще туч остриё топора
Полыхнёт белизной серебра,
Громыхающий рухнет удар
С поднебесья в глухой крутояр,
Взвоет ветер на все голоса,
Раскачаются шумно леса…

Не затем ли мы жаждем грозы,
Что гроза повторяет азы
Неоглядной свободы, и гром
Бескорыстным гремит серебром,
И прозрачной прохладой дыша,
Оживает, мужает душа…

* * *

Что ж, если говорить без фальши,
Ты, что ни день, — отходишь дальше,
Я вижу по твоим глазам
И по уклончивой улыбке —
Я вижу, друг мой, без ошибки,
Что нет возврата к чудесам.
Прощай. Насильно мил не будешь,
Глухого сердца не разбудишь.
Я — камень на твоём пути.
Ты можешь камень обойти.
Но я сказать хочу другое:
Наверно, ты в горах бывал,
И камень под твоей ногою
Срывался, падая в провал.

* * *

За что же изничтожено,
Убито сердце верное?
Откройся мне, — за что ж оно
Дымится гарью серною?
За что же смрадной скверною
В терзаньях задыхается?
За что же сердце верное
Как в преисподней мается?
За что ему отчаянье
Полуночного бдения
В предсмертном одичании,
В последнем отчуждении?..
Ты всё отдашь задёшево,
Чем сердце это грезило,
Сторонкой обойдёшь его,
Вздохнёшь легко и весело…

* * *

Сердцу ненавидеть непривычно,
Сердцу ненавидеть несподручно,
Ненависть глуха, косноязычна.
До чего с тобой, старуха, скучно!

Видишь зорко, да ведь мало толку
В этом зреньи хищном и подробном.
В стоге сена выглядишь иголку,
Стены размыкаешь взором злобным.

Ты права, во всём права, но этой
Правотой меня уж не обманешь, —
С ней глаза отвадятся от света,
С ней сама вот-вот старухой станешь.

Надоела. Ох, как надоела.
Колоти хоть в колокол набатный, —
Не услышу. Сердце отболело,
Не проймёшь. Отчаливай обратно.

Тот, кто подослал тебя, старуху…
Чтоб о нём ни слова, ни полслова,
Чтоб о нём ни слуху и ни духу.
Знать не знаю. Не было такого.

Не было и нету и не будет
Ныне и по всякий день и присно.
Даже ненавидеть не принудит,
Даже ненавидеть ненавистно.

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

(мадригал)

Я вглядывалась в Ваш портрет
Настолько пристально и долго,
Что я, быть может, сбита с толку
И попросту впадаю в бред,

Но я клянусь, — Ваш правый глаз
Грустней, внимательнее, строже,
А левый — веселей, моложе
И больше выражает Вас,

Но оба тем и хороши,
Что Вы на мир глядите в оба,
И в их несхожести особой —
Таинственная жизнь души.

Они мне счастья не сулят,
А лишь волненье без названья,
Но нет сильней очарованья,
Чем Ваш разноречивый взгляд.

РАЗМОЛВКА

Один неверный звук,
Но и его довольно:
С пути собьёшься вдруг
Нечаянно, невольно,
И вот пошла плутать
Сквозь клятвы и зароки,
Искать, и ждать, и звать,
И знать, что вышли сроки…
Подумай, лишь одно
Беспамятное слово —
И вдруг темным-темно,
И не было былого,
А только чёрный стыд
Да оклик без ответа,
И ночь не говорит
О радости рассвета.

* * *

Какое уж тут вдохновение, — просто
Подходит тоска и за горло берёт,
И сердце сгорает от быстрого роста,
И грозных минут наступает черёд,
Решающих разом — петля́ или пуля,
Река или бритва, но наперекор
Неясное нечто, тебя карауля,
Приблизится произнести приговор.
Читает — то гневно, то нежно, то глухо,
То явственно, то пропуская слова,
И лишь при сплошном напряжении слуха
Ты их различаешь едва-едва,
Пером неумелым дословно, построчно,
Едва поспевая ты запись ведёшь,
Боясь пропустить иль запомнить неточно…
(Петля или пуля, река или нож?..)
И дальше ты пишешь, — не слыша, не видя,
В блаженном бреду не страшась чепухи,
Не помня о боли, не веря обиде,
И вдруг понимаешь, что это стихи.

* * *

Пусть будет близким не в упрёк
Их вечный недосуг.
Со мной мой верный огонёк,
Со мной надёжный друг.

Не надо что-то объяснять,
О чём-то говорить, —
Он сразу сможет всё понять,
Лишь стоит закурить.

Он скажет: «Ладно, ничего», —
Свеченьем золотым,
И смута сердца моего
Рассеется как дым.

«Я всё же искорка тепла», —
Он скажет мне без слов, —
«Я за тебя сгореть дотла,
Я умереть готов.

Всем существом моим владей,
Доколе ты жива…»
Не часто слышим от людей
Подобные слова.

* * *

Сквозь сон рванёшься ты померяться с судьбою
И подчинить её движению строки
И отступаешь вдруг сама перед собою,
В бессильной ярости сжимая кулаки.

Строка зовёт на бой, и ты готова к бою,
Всем унижениям и страхам вопреки,
И отступаешь вдруг сама перед собою,
В бессильной ярости сжимая кулаки.

Твоя душа мертва. Смятенье бесполезно.
Зачем проснулась ты? Твоя душа мертва.
Смирись перед немой, перед последней бездной, —

Для сердца легче смерть, чем мёртвые слова.
Утешься, — над твоей могилою безвестной
И ветер будет петь, и шелестеть трава.

* * *

Ты думаешь, правда проста?
Попробуй, скажи.
И вдруг онемеют уста,
Тоскуя о лжи.

Какая во лжи простота,
Как с нею легко,
А правда совсем не проста,
Она далеко.

Её ведь не проще достать,
Чем жемчуг со дна.
Она никому не под стать,
Любому трудна.

Её неподатливый нрав
Пойми, улови.
Попробуй хоть раз, не солгав,
Сказать о любви.

Как будто дознался, достиг,
Добился, и что ж? —
Опять говоришь напрямик
Привычную ложь.

Тоскуешь до старости лет,
Терзаясь, горя…

А, может быть, правды и нет,
И мучишься зря?

Дождёшься ль её благостынь?
Природа ль не лжёт?
Ты вспомни миражи пустынь,
Коварство болот,

Где травы над гиблой водой
Густы и свежи…
Как справиться с горькой бедой
Без сладостной лжи?

Но бьёшься не день и не час,
Твердыни круша,
И, значит, таится же в нас
Живая душа.

То выхода ищет она,
То прячется вглубь.
Но чашу осушишь до дна,
Лишь только пригубь.

Доколе живёшь ты, дотоль
Мятёшься в борьбе,
И только вседневная боль
Наградой тебе.

Бескрайна душа и страшна,
Как эхо в горах.
Чуть ближе подступит она,
Ты чувствуешь страх.

Когда же настанет черёд
Ей выйти на свет, —
Не выдержит сердце: умрёт,
Тебя уже нет.

Но заживо слышал ты весть
Из тайной глуши
И, значит, воистину есть
Бессмертье души.

СОН НА РАССВЕТЕ

Какие-то ходы́ и переходы,
И тягостное чувство несвободы,
И деревянный низенький помост.
Как на погосте, он открыт и прост,
Но это — стол, на нём вино и свечи,
А за столом — мои отец и мать.
Их нет в живых. Я рада этой встрече,
Я их прошу меня с собою взять
Или побыть со мною хоть недолго,
Чтоб Новый год мы встретили втроём.
Я что-то им толкую втихомолку,
Они молчат. Мы пьём. Нет, мы не пьём.
Вино как кровь. Нетронуты бокалы.
А у моих родимых небывалый —
Такой недвижный и спокойный взгляд.
Да полно, — на меня ль они глядят?
Нет, сквозь меня. О нет, куда-то мимо.
А может статься, я для них незрима?
И что это? Настал ли Новый год,
И при свечах втроём его встречаем,
Иль только близится его приход, —
Так незаметен, так необычаен?..
Отец и мать. И между ними — я.
Где ночью ты была, душа моя?
И Новый год — был или не был встречен?
Что спрашивать, когда ответить нечем!
Я помню только свечи и вино,
И стол в дверях, и что кругом темно,
И что со мной — восставшие из праха.
Я их люблю без трепета, без страха,
Но мне тревожно. Кто меня зовёт?..
О, лишь бы знать — настал ли Новый год?

* * *

Пылает отсвет красноватый
На летней пашне в час заката.
До фиолетового цвета
Земля засохшая прогрета.
Здесь каждый пласт огнём окован, —
Лиловым, розовым, багровым,
И этот крепкий цвет не сразу
Становится привычен глазу,
Но приглядишься понемногу,
На алый пласт поставишь ногу,
И с каждым шагом всё бесстрашней
Идёшь малиновою пашней.

* * *

Что толковать! Остался краткий срок,
Но как бы ни был он обидно краток,
Отчаянье пошло мне, видно, впрок,
И не растрачу дней моих остаток.

Я понимаю, что кругом в долгу
Пред самым давним и пред самым новым,
И будь я проклята, когда солгу
Хотя бы раз, хотя б единым словом.

Нет, если я смогу преодолеть
Молчание, пока ещё не поздно, —
Не будет слово ни чадить, ни тлеть, —
Костёр, пылающий в ночи морозной.

* * *

Кузнечики… А кто они такие?
Заглядывал ли ты в их мастерские?
Ты, видно, думал — это кузнецы,
И в кузнях маленьких поодиночке
О наковаленки бьют молоточки,
А звон от них летит во все концы?
Но это заблужденье. Ты неправ.
Не кузница в траве, а телеграф,
Где точки и тире, тире и точки
Бегут вплотную по звенящей строчке
И наспех сообщают обо всём,
Что в поле и в лесу творилось днём.

* * *

Куда, коварная строка?
Ты льстишься на приманку рифмы?
Ты хочешь, чтобы вкось и вкривь мы
Плутали? Бей наверняка,
Бей в душу, иль тебя осилят
Созвучья, рвущиеся врозь.
Коль ты стрела — лети навылет,
Коль ты огонь — свети насквозь!

* * *

Ни Ахматовской кротости,
Ни Цветаевской ярости —
Поначалу от робости,
А позднее от старости.

Не напрасно ли прожито
Столько лет в этой местности?
Кто же всё-таки, кто же ты?
Отзовись из безвестности!..

О, как сердце отравлено
Немотой многолетнею!
Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?

Лишь начало мелодии,
Лишь мотив обещания,
Лишь мученье бесплодия,
Лишь позор обнищания.

Лишь тростник заколышется
Тем напевом чуть начатым…
Пусть кому-то послышится
Как поёт он, как плачет он.

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Иоаннес Иоаннисиан
(1864—1929)

* * *

Не забывай, певец, о верной лире,
Не дай умолкнуть струнам золотым.
Пускай их звон разносится всё шире,
Пусть будет он в веках незаглушим.

Пусть лира славит добрые деянья
И подвиги, не ждущие венца,
Пусть голосом любви и состраданья
Воспламеняет чистые сердца.

И как зима дыханьем ветра злого
Не в силах задержать приход весны,
Так жгучей правоте прямого слова
Ни клевета, ни злоба не страшны.

Аветик Исаакян
(1875—1957)

НАРОДНАЯ ЛИРА
(Сербская легенда XVII века)

Над Сербией блещет кривой ятаган
И каркают во́роны, пьяные кровью.
Исхлёстанный воздух горяч и багрян.
И ветер разносит рыдание вдовье.

Тиран Абдулла, кровожадный паша,
Пирует в Белграде, победою пьяный.
Ослушников войско во прах сокруша,
Он счастлив богатой подачкой султана.

Замученной Сербии лютый палач
Сидит на резном перламутровом троне.
Шербет, словно кровь непокорных, горяч,
И золото чаши пылает в ладони.

Кругом янычары, что рады и впредь
Разбойничать, лишь бы платили сполна им…
На блюдах дымится обильная снедь,
Струится шербет полноводным Дунаем.

Зловещий подсчёт веселит янычар:
По многу ль голов они в битве отсе́кли?
Бахвалятся, спорят — чей крепче удар,
Бранятся, хохочут, как дьяволы в пекле.

— Эй, старого Мирко введите-ка в зал!
Его четырёх сыновей мы забрали.
Отвагу мятежников он воспевал,
Властителей славу воспеть не пора ли!

И Мирко-гусляр входит, словно во сне,
Он слышит застольный прерывистый гомон,
Присев на скамью ото всех в стороне,
Глазами незрячими водит кругом он.

— Послушай, старик, — возглашает паша, —
Во прах уничтожил я Сербию вашу,
Но знаю, что песня твоя хороша,
Твой редкостный дар по заслугам уважу.

Не зря приведён ты на праздничный пир:
Прославь меня песней на вечные годы.

Пускай меня помнит и чествует мир,
Покуда есть небо, и суша, и воды.

Наградой паша соблазняет певца:
Алмазами, золотом — жизнью богатой,
Но Мирко молчит, не поднимет лица,
И зал замирает, смущеньем объятый.

— Эй, Мирко-гусляр, начинай поживей!
В свидетели я призываю аллаха:
Верну тебе всех четырёх сыновей,
И вместе домой вы пойдёте без страха!

И чудится Мирко, что с ним сыновья
Домой возвращаются живы-здоровы…
Но горько молчит он, печаль затая.
На пиршестве пышном не слышно ни слова.

Разгневанно смотрит на Мирко паша,
И властью, и кровью, и яростью пьяный,
А Мирко-слепец, через силу дыша,
Молчит и темнеет, как в бурю Балканы.

— Проклятый гяур, я сказал тебе: пой!
Не то берегись, как бы ты не заплакал!
Коль будешь упрямиться, дурень слепой,
Сейчас посажу сыновей твоих на́ кол!

И чудится Мирко: ведут сыновей
И на кол сажают, и в горестной муке
Пытается гусле[1] наладить скорей,
Но жалко дрожат непослушные руки.

Касается струн переливчатых он,
Мерещатся старому стоны страдальцев,
Но прятался в гусле серебряный звон,
Не слушают струны немеющих пальцев.

О, как же спасти ненаглядных сынов!
Измучилось сердце от тайных страданий,
Душа не находит угодливых слов,
И голос певца замирает в гортани.

Всё чудится: блещет кривой ятаган
Над Сербией милой, над вольною волей,
Пьют вороны кровь из бесчисленных ран,
Багряный туман поднимается с поля…

И Мирко вскочил — не стерпела душа,

---

[1] Гусле — югославский народный смычковый инструмент.

Он гусле отбросил — струна зазвенела,
Бесстрашно кричит — пусть услышит паша
Правдивое слово, что в сердце горело:

— Пытайте, казните, — в вас нету стыда,
Убийцы безвинных, позорище мира!..
Но помните вы, что народная лира
Не лжёт никогда!

1917
Женева

АРМЯНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО

Памяти архитектора Т. Тораманяна

Осень, осень… брожу по родимым полям.
Свежий снег, синевой отливая, блестит
На плечах Арарата. Как солнечно там!
А внизу бьётся ветер, упрям и сердит,
Неподатливый тополь сгибая, как лук
Гайка-праотца. Холод, безлюдье вокруг,
Но в моём одиночестве я не один,
Предо мною былое в обличьи руин.
Здесь, бушуя, неслись ураганы времён
И оставили нам лишь обломки колонн.
Храмы нашей страны! Вы в жестоких веках
Возвышались над жизнью, сожжённой дотла.
Этим стенам неведом был трепетный страх,
Солнце ярче сияло, глядясь в купола.
О, как верил народ мой страдающий вам!
В скорби светел душою и сердцем высок,
Видел он, припадая к замшелым камням,
В славе прошлого — будущей славы залог.
Величавые стены и своды! Вы с ним
Говорили на тайном наречьи своём
Словом правды и доблести вечно живым
И гармонии чистой простым языком.
Очевидцы великие славы былой,
Созидающей силы, высокой мечты!..
Как сердца охраняла от участи злой
Неприступною крепостью власть красоты!
В этих сводах узорчатых видел народ
Воплощенье высоких стремлений своих.
В этих сте́нах бессмертная сила живёт
Сокровенных мечтаний и дум дорогих.
В смертной битве не дрогнул мой добрый народ.
Вырос он и окреп в этой гордой тиши,
И свободной отчизне любя отдаёт
Все богатства своей вдохновенной души.

1942

Ваан Терьян
(1885—1920)

* * *

Был нелёгким путь и далёким кров.
Я прилёг вздремнуть на траве ночной
И уснул, и вдруг — чей-то нежный зов…
Неизвестный друг говорит со мной.

Пробудился я, счастьем обожжён.
Скорби не тая, плачет ветерок.
Ни души кругом, тьма со всех сторон,
На пути моём вновь я одинок…

* * *

Хвала вносившим в сумрак тюрем
Живой души высокий свет!
Они, верны бесстрашным бурям,
Молчали палачам в ответ.
Хвала страдавшим величаво,
Хранившим веру в свой народ,
Имевшим мужество и право,
Идя на смерть, смотреть вперёд.
Благословенье им и слава!

НА КАТОРГЕ

Безмолвная ночь. Не светит луна,
Лишь мертвенный снег сверкает кругом…
«Ручьями шумя, возникни, весна!
Победно греми, раскованный гром!»

Бездушная ночь. Бессветная высь.
А кто-то глядит с тревогой во тьму,
А кто-то зовёт: «Рассвет, разгорись!..»
И цепи звенят, и тяжко ему.

Бескрайная ночь. Угрюмая хмурь.
Томятся поля, во тьме онемев.
Взметнитесь, мечи карающих бурь!
Грозой разразись, заждавшийся гнев!

* * *

Только раз, но как сестра, сердечно руку протяни
В час безверия и тоски, в мой трудный час.
Только раз, но озари мои замученные дни,
Раздели мою печаль в последний раз.

Я изранен, приласкай, великодушна и нежна,
Трудный путь мечты моей благослови.
Дай мне руку, глянь в глаза — мне чистота твоя нужна.
Иль хотя бы пожалей, коль нет любви.

Я хочу, чтобы светло ты вспоминала обо мне,
Чтобы я не изнемог на полпути,
Я хочу, чтобы и ты затрепетала в том огне,
От которого мне некуда уйти.

* * *

Ты улыбнулась, наирянка моя…
У стройной скромницы, у дочери гор
Заискрились глаза, пыланье тая,
И был чудесен этот искренний взор.

В просторах севера, лишённых тепла,
Наирским солнцем я нежданно согрет,
И роза жаркая в груди расцвела,
И опьянённому молчать — силы нет.

Как не прославить этот ласковый луч,
Что озарил нежданно душу мою!
Так в хмурый день проглянет солнце из туч
В моём наирском снежногорном краю.

* * *

Мне в этих памятных местах
Так ощутима ты!
Знакомый сад заглох, зачах,
Не политы цветы.
Закрыты ставни на замок,
Но мне, как прежде, рад
Заветный сад… О, как я мог
Войти в тот самый сад!
Тот самый и совсем иной —
Он пуст, затоптан, гол.
И он, как я, тобой одной
Дышал, и жил, и цвёл…

* * *

Когда неизъяснимо и глубоко
Встревожена порой душа твоя, —
Знай, в этот миг мне горько, одиноко,
В смятении ночном теряюсь я.

Когда тебе в сердечном непокое
Почудится неведомый напев, —
Знай, это я тебя зову с тоскою,
Рыдаю и зову, осиротев.

Глазами золотистыми твоими,
Мне чудится, я озарён порой.
В ночи дневной единственное имя
Внезапной разгорается зарёй.

ОКТЯБРЮ

Прочь, осень с тоской беззвучного плача!
Привет мой тебе, разгневанный гром!
Привет мой борьбе, звенящей мечом,
Могучей, как свет, как солнце горячей!

Расстанься, душа, с бессветною хмурью,
Чтоб вольная песнь пылала в груди.
От зорких зарниц светло впереди.
Привет мой тебе, великая буря!

Наири Зарьян
(1900)

ТИРАН И ПОЭТ

1

Жил некогда царь, владыка владык.
Свирепый тиран, одетый в парчу.
Богат, и могуч, и славой велик,
Вдруг вздумал он: «Стать поэтом хочу».

Газели писал, вставая чуть свет.
Любовь прославлял двустишьями он.
Тиран приказал, чтоб лучший поэт
Немедленно был к нему приведён.

«Вот, мастер, взгляни на эту газель, —
Сказал ему царь, собою гордясь, —
Искусством стиха владею вполне ль?
Раздумий моих понятна ли связь?»

Поэт прочитал творенье царя
И кротко сказал тирану поэт:
«Пусть слава твоя, как солнце горя,
Сияет в лучах великих побед!

Завидуют, царь, подобной судьбе.
Всех недругов ты осилил давно.
Полмира — твои. Но, царь мой, тебе
Искусством стиха владеть не дано».

Тиран закричал: «Прощенья проси!
Завистник, ты мнишь своё волшебство,
Свой дар лишь тебе открыл Фирдуси?!
Эй, слуги мои, — в темницу его!»

2

Вот в башню Ануш поэт заточён.
О судьбах людских он мыслит в тиши.
В ответе своём не кается он —
Нет в мире темниц для вольной души.

И силится вновь жестокий тиран
Затмить Фирдуси в рубайях своих,
Он жаждет хвалы, тщеславием пьян,
Придворных зовёт оценивать стих.

И каждому царь велит: «Подойди
И честный ответ владыке неси:
Кто первый из нас, и кто позади —
Складнее ль меня писал Фирдуси?»

И падали ниц рабы суеты.
Нашёлся у всех один лишь ответ:
«Владыка, велик в поэзии ты,
Ты Дарий стиха, ты лучший поэт!

Так бейты слагать не смог бы иной,
Ты в тайны стиха всех глубже проник.
Коль был Фирдуси для бейтов луной,
Ты солнце стиха, владыка владык!..»

Пьянили царя восторгом своим,
И каждый во прах пред ним распростёрт,
И стелется лесть и вьётся пред ним,
И грозный тиран удачею горд.

Но, слыша хвалы, он вспомнил о том,
Кто брошен во мрак дворцовых темниц,
И снова поэт стоит пред царём,
Стоит, не страшась, не падая ниц.

«Вот бейты. На них ты, мастер, взгляни, —
Сказал ему царь, насмешку тая, —
Ответь мне: вполне ль прекрасны они?
Строкой Фирдуси владею ли я?»

Над царским стихом склонился поэт.
Он долго стоял, печален и нем.
И молвил: «С тобою сиянье побед,
Но хочешь ты стать поэтом… Зачем?!

Ты с войском своим отправься в бои
И верным путём к величью придёшь…
Над миром развей знамёна свои,
Врагов усмири, богатства умножь.

Прославься в веках, как славен Хосров,
Рустама затми бесстрашьем души.
Я правду сказал и к смерти готов…
О царь, никогда стихов не пиши!»

Тиран поднялся, отмщеньем горя:
«Страшись, клеветник, себя самого!
Завидуешь ты искусству царя!
Эй, слуги мои, в темницу его!»

3

В темнице поэт. Разгул палачу
Его истязать во мраке глухом.
А грозный тиран, одетый в парчу,
И ночи и дни сидит над стихом.

К притворству привык придворный язык,
Бесстыжая лесть звучит и теперь:
«Ты солнце стиха, владыка владык!
Завистнику ты, великий, не верь!»

На троне златом в безмолвии злом
Он внемлет хвале утративших стыд.
С угрюмой душой и мрачным челом,
Потупив глаза, он гневно молчит.

Восторги рабов не в радость ему,
Не их похвалы — мерило удач.
Правдиво судить дано лишь тому,
Над кем день и ночь глумится палач.

И царь приказал, волненьем томим,
Упрямца привесть в покои дворца.
И снова поэт стоит перед ним,
Как призрак судьбы, как тень мертвеца.

«Бессмертный поэт, — промолвил тиран, —
Упрямей тебя не знал я людей.
В поэме моей найдёшь ли изъян?
Прочти и скажи всю правду о ней».

Поэт прочитал и краткий лишь миг
В раздумие был душой погружён,
Где жизнь и где смерть, он сердцем постиг,
И тотчас к дверям направился он.

В смятеньи тиран воскликнул: «Постой!
Искусство моё признал или нет?
Куда ты?..» — «Мне нет дороги иной,
В темницу иду», — ответил поэт.

Отрывки из драматической поэмы
«АРА ПРЕКРАСНЫЙ»

Действие второе

Дворец ассирийского царя Ниноса.
Перед троном стоит царица Шамирам в мрачном раздумье.

Шамирам

Вот и любовь. К тебе стремилась я
В пустыне грёз моих, надеясь и не веря,
С тех дней, когда пастух Симэс нашёл меня.
Я выросла в заброшенной пещере,
Мне пищей было молоко тигриц,
Моя безмерна сила, — я красива.
Явилась я как божество, как диво,
И люди предо мною пали ниц.
Но не было того, кто б сердце мне
Воспламенил, в глаза взглянул бы так,
Чтобы душа моя затрепетала.
Менон явился девичьей весне,
Но был безрадостен наш краткий брак,
Любовь его не озаряла.
Супруг мой трепетал пред грозным счастьем,
Над холодом души моей безвластен.
Нинос меня похитил у Менона,
Владычицей привёз меня сюда.
Любила ль я Ниноса? Никогда!
Лишь плоть мою он взял; душа неутолённо
Звала, томясь тоскою одинокой:
Где Аттис мой? Где мой орлиноокий?..
И вот явился он и взором вдохновенным
Меня воспламенил. Что это — явь иль сон?..
Земля с таким же трепетом священным
Ждёт солнца вешнего. А он,
А урартиец — любит ли меня?
О сердце бедное, в объятиях огня,
О сердце горькое, ты мечешься, тоскуя.
Ара Прекрасный будет здесь царём.
Его венцом Ниноса завлеку я.
Ассирию пред ним я расстелю ковром:
Ассирию пред урартийцем,
Урарту перед Шамирам…
О сердце гордое, сумей лишь укротиться
До времени. Сияет счастье нам.
Дай сил, Набу, победу уготовь.
Борьба лишь началась. Я знаю, знаю,
Что будет пред зарёй гроза ночная.
И кровь, и смерть, но славлю я любовь,

Представшею богиней дивноликой.
Лети, мой рок, сверкающей квадригой!
По всей земле, от края и до края,
Твой гром напомнит будущим векам
Про грозную любовь царицы Шамирам…

ПЕСНИ ГУСАНОВ

(Действие третье. Площадь перед дворцом Ара. Праздник Вардавар[1])

Старик-гусан

К гайканам Бэл воззвал:
«Я всей вселенной свет и время дал,
И лишь моя бессмертна благодать.
Жар солнца я и вечный хлад луны,
Я и земля, и воздух, и вода.
Моим желаньем вы должны желать,
Моим сознаньем сознавать должны…»
И Гайк ему ответил: «Никогда!»
И Бэл Нимруд разгневался, и так
Он вновь воззвал,
Рассвирепевший Бэл:
«Спускайся, Гайк, с посеребрённых скал,
Тебе в низине быть я повелел.
Под сенью Бэла робко здесь живи,
Иль задрожит Масис от грозных стрел
И ты утонешь, Гайк, в своей крови!..»
Ответил Гайк с вершины голубой:
«Зачем же мне склоняться пред тобой?
Ты человек, я тоже человек,
И можем мы не враждовать вовек», —
Так Гайк ему сказал сквозь облака.
Бэл потемнел и стал скликать войска, —
В бой за собой повёл безвестный сброд,
А Гайк — сынов и внуков, — свой народ.
Сам первым шёл, чтоб кровных уберечь.
Он был высок, могуч, широкоплеч…
Семь раз враги сразить пытались нас
И были вспять отброшены семь раз,
Но верил Бэл — победа их близка.
Он ждал на помощь новые войска.
Его надежду злую Гайк постиг
И гневом запылал и в тот же миг
Он поднял широкотетивный лук
И гулко натянул он дивный лук.
Трёхзубчатая молния-стрела
Поёт — летит, остра, быстра, светла,
Навылет Бэлу разрывает грудь,
В сырой земле оканчивая путь.

---

[1] Праздник цветов.

И рухнул Бэл, судьбу свою кляня…
Пред солнцем расцветающего дня
Войска врага исчезли, как туман,
И стала вольною страна армян.

Пожилой гусан

Светла армянская гора Масис,
Как царь армян — Ара.
Не клонится армянский кипарис, —
Могучий стан Ара.
Твой лик армянским солнцем позлащён,
Твой взор армянским небом прояснён,
И славит налитых колосьев звон
Высокий сан Ара.
Стремится Тушпы пенистый ручей
Вокруг садов, дворцов и крепостей.
Наш край, великой волею твоей,
Всех краше стран, Ара!
Живи, отчизну строящий Ара,
Страны армян сокровище — Ара,
Немеркнущею силою добра
Ты осиян, Ара!

Молодой гусан

Омрачена армянская страна,
Масис под грозной тучей потемнел.
Нам горько от весёлого вина,
В ворота наши вновь стучится Бэл.
Душа у Шамирам черным-черна.
Краса Нуард[1] — отравой Шамирам.
Нечистою мечтой упоена,
Посла колдунья отправляла к нам.
Она писала нашему царю:
Себя дарю, Ассирию дарю,
Пускай твой сад армянский пропадёт,
А сад мой ассирийский расцветёт.
Отказом гордым царь ответил ей,
Не изменил избраннице своей.
Но мучит Шамирам хмельная кровь,
И вот её посол явился вновь,
Пожаловал посол её Нирар
И омрачил отрадный Вардавар.
Ваагн, явивший нам дары свои,
И Анаит, защитница семьи,
Армянскому царю вы дайте сил,
Чтобы колдунье он не уступил.
Вы нас уберегите от стыда,
Коварство истребите навсегда!

---

[1] Нуард — армянская царица, супруга Ара Прекрасного.

Действие четвёртое

Дворец Ара.
Царица Нуард перед статуей богини Анаит

Владычица! Праматерь! Анаит!
Ты, без которой в мире всё мертво,
Ты видишь, как душа моя горит,
Её огонь от твоего огня.
Мне мужем стал двойник Ваагна твоего,
Избранницей небес ты сделала меня.
Зачем же ныне отнимаешь ты
Дары своей безмерной доброты?..
Нас на вершину счастья для того ль
Возводят боги, чтобы в тот же час
Низвергнуть в бездну, видеть нашу боль,
Любуясь, как мы катимся ко дну?
Затем ли высоко возносят нас,
Чтобы падения измерить глубину?
Нет, легче от рожденья быть слепым,
Чем видеть солнце и проститься с ним!
Верни мне сердце моего Ара.
Оно украдено. О, как хитра
Та, сладострастная… Ты видишь — свет померк.
Пускай разлучницу Ара отверг, —
Посланьем отказав колдунье той, —
Он с ней неутолённою мечтой,
Он с ней во сне, он у неё, он там,
Он бродит, ничего не видя, днём
И ночью вновь зовёт: «Астарта…», «Шамирам…»
О, это имя! Яд змеиный в нём.
Ты, Анаит, была ко мне добра,
Не для того ль ты мне, златая мать,
Так безвозвратно отдала Ара,
Чтобы от сердца с кровью оторвать?
Своей ли волей отнимаешь дар,
Иль это ассирийская Иштар
Тебя ведёт по тёмному пути,
И ты идёшь, срамя армянский край?..
Прости меня, прости меня, прости,
И не отвергни, и не покарай!
Но если в чём-то есть вина моя,
И если Шамирам достойнее, чем я,
И если навсегда из моего гнезда
Любовь умчалась прочь, как птица… О, тогда,
Тогда мне силу дай, дай силу, Анаит,
Пускай к врагу мой стон не долетит!
Чтоб женской гордости алмазная броня
Была неуязвимой, ты меня
Не покидай! Владычица, приди!

Заступница моя, дай силу мне,
От смертной чаши руку отведи
В тот грозный час, что мне страшней всего.
Дай мне для сына жить в родной стране,
Жить для Анушавана моего!

Ара

(действие четвёртое)

Я ночью видел сон. Ужасный сон!
Иду знакомым берегом реки.
То, может быть, Аракс? Конечно, он.
Сияло небо. От прохладных гор
Навстречу мне летели ветерки.
Был беспечален утренний простор,
Легко на сердце и шаги легки,
И всех цветов я слышал голоса,
И наша величавая краса —
В суровом серебре парчовых риз
В тумане чуть поблёскивал Масис.
Вдруг из теснины выхлестнул поток
И зашумел почти у самых ног.
Сверкая пеной, бешено крутясь,
Он в злобных волнах нёс и кровь и грязь.
Настиг, ударил мне наперерез
И с грозным рёвом в Тартаре исчез.
Аракс — о чудо! — не смешался с ним.
Драконопобедителем храним,
Он, чистоводный, блещущий, как меч,
Взметнулся, чтобы тот поток рассечь,
Рассёк его, ударясь грудь о грудь,
И дальше устремил свободный путь.
Растерянный, один, совсем один
Над краем завывающих стремнин,
Не находя спасения вокруг, —
Я кинулся в клокочущий поток,
Чтобы достичь Аракса вплавь, и вдруг
Почувствовал, что сил лишаюсь я,
В борьбе со злой водою изнемог,
Влекусь уже во власти забытья,
Тисками волн разгорячённых сжат,
И волны мчат меня, теснят, кружат,
Покорного, как жертва палачу,
И вместе с ними в бездну я лечу…
И в Тартаре, в безвестной глубине
Я слышал в безысходном полусне:
Аракс поёт прозрачною волной,
В горах, в лугах рыданьями звеня,
Как будто он прощается со мной
Или зовёт меня…

Гегам Сарьян
(1902)

Деревья

И вновь — наш старый дом, наш старый сад,
И срок цветения едва лишь начат,
Но и́наче деревья шелестят, —
Как будто надо мною тихо плачут.

Года, сменяясь, всё переиначат.
Навстречу мне уже не выйдет мать,
И лишь деревья надо мною плачут,
Ветвями нежными хотят обнять.

Радуга

Ты припомнил, ты счёл миновавшие дни
И подходишь к черте, где кончается счёт…
Сколько дней, приносивших лишь скорби одни,
Сколько дней, окрылявших и звавших в полёт!

Но от радости жгучей твой взгляд не угас,
И от стонов душа не оглохла твоя:
Счастья луч, в дымку слёз проникавший не раз,
В сердце радугой встал, скорбь и радость тая.

Песня заката

Жар солнца оскудел, в закатный час уходит зной,
Под ветром лишь слегка дрожит листва в закатный час,
Пылают облака, луга объяты тишиной,
На зов издалека — ответа нет в закатный час.

В закатный час от нас уходит солнце в край иной,
От темноты ночной уносит свет в закатный час.
Безмолвная гора вдали темнеет предо мной.
Лишь тьма, немая тьма тебе вослед, закатный час!

Последние страницы

Я пишу последние страницы.
Всё бледнее цвет чернил моих.
Гаснут вмиг последние зарницы.
Спор меж сердцем и умом затих.

Гаснет жар последний, гаснет слово,
И последней думой сердце жжёт, —
Может, песня разгорится снова,
Может, вновь она меня найдёт.

Амо Сагиян
(1914)

Из цикла «НА БЕРЕГУ ВОРОТАНА»

На берегах Воротана, моего Воротана,
Молоденькая одна — сторожит мой путь.
Весточку от меня кто бы отнёс желанной,
Чтоб осушила глаза и смогла бы легко вздохнуть!
Товарищ неведомый мой, сделай дело святое:
Если увидишь её, поклонись ей, не позабудь.
В душе у неё — печаль, на пальце — кольцо золотое.
С рассвета и дотемна сторожит мой путь.

На берегах Воротана — мать моя в горе.
Глаз не спускает с окна — сторожит мой путь.
Трудные слёзы в её истомленном взоре,
Ей ни покоя, ни сна, — сторожит мой путь.
Та, что мне песнь колыбельную пела с любовью,
Та, что растила меня, жизнь забывая свою,
Та, что отточенный нож клала мне в изголовье,
Чтобы бесстрашен я был, непобедим в бою…

На берегах Воротана — отец мой седоголовый,
Тот, что правдивое сердце вложил мне в грудь,
Тот, что учил отличать доброе дело от злого,
С полною чашей вина — сторожит мой путь.
На берегах Воротана — дедовская могила.
Издали всем видна — сторожит мой путь.
Доброе небо её голубым укрыло.
С детством моим сроднена — сторожит мой путь.
Пьёте вино расставанья — горше и нет вина.
Близкие, — ждёте меня, горячо, неустанно.
Скоро, клянусь вам, клянусь, — возродится весна
На берегах Воротана, моего Воротана…

ДЕТСТВО

Дремучие леса, заоблачные горы,
Окрашенный лазурью отчий дом…
О жаворонок мой, о детство, слишком скоро
Из сердца взмыло ты, блеснув крылом.

Встревоженный птенец стремился не на зов ли
Борьбы морской, где с валом бьётся вал.
Я вслед тебе глядел с высокой нашей кровли
И звал тебя, неутомимо звал.

Меня не слышал ты, летящий в жизнь большую,
Тебя манили дальние бои.
И вот я снова здесь, и снова здесь ищу я
Оброненные пёрышки твои.

Что скажет ветер мне, иль облако, иль птица,
Иль трепетное зеркало ручья?..
Они уже не те, для них ты небылица,
Тебя, мой дальний, помню только я.

Когда ж весёлое дитя моё заплачет,
Ручного жаворонка упустив,
Ты, детство, вновь со мной, и день едва лишь начат.
Проверь меня, — я всей душою жив.

А ты, — дитя моё!.. Тебе, как мне когда-то,
Цветов и птиц так радостен привет.
Природа вечная меня хранила свято,
Чтоб заново явить на белый свет.

Поёт ребёнок мой. Как помню тот напев я,
Как властно он зовёт меня опять…
Укрылись в сумерках тропинка и деревья,
Меня домой с крылечка кличет мать.

Я сердцем верен вам, дремучие дубровы,
Просторы гор, лазурью крытый дом…
Вы стали песнею, будя за слово,
Чтоб я сказал о самом дорогом.

ЗЕЛЁНЫЙ ТОПОЛЬ НАИРИ

Красуешься под ветерком, сверкаешь свежею листвой,
Дневной дороге тень даришь, глубокой ночью ждёшь зари.
В теснинах сердца моего звонкоголосый говор твой,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

Ах, как взметнувшийся костёр, стоит зелёный твой огонь.
Я издали тебя молю, гори, мой трепетный, гори!
Изжаждавшиеся поля желанною прохладой тронь,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

Поёт мой жаворонок-сын, играючи в тени твоей.
Его получше приголубь, порадостнее одари,
Листвой весёлой осени, отцовской ласкою согрей,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

Меча и пламени певец, хочу я лишь твоей любви,
И если в праведном бою прикажет родина: «Умри!» —
Умру, чтоб вольным быть тебе, исчезну я, а ты живи,
О дальний, дальний, дальний мой, зелёный тополь Наири!

1944 г.

Маро Маркарян
(1916)

ГОРНАЯ ДОРОГА

Горная дорога,
Трудная дорога,
Через вешние луга,
Через вечные снега,
От отрога до отрога
И отвесно и отлого
Прямо к солнцу ты идёшь,
Горная дорога!
Ты кружишь по краю кручи,
Ты спешишь навстречу туче,
Над тобой нависли скалы,
Под тобой гремят обвалы,
Вкруг тебя царит тревога,
Горная дорога!
Ты средь бури и безмолвья
Вьёшься ввысь в ожогах молний,
И недаром над тобою
Ветер веял, ливни лили —
Ты не знаешь душной пыли,
Знаешь небо голубое.
Ты прошла и позабыла
Мутнопенные потоки,
У тебя хватило силы
Обрести удел высокий, —
Лишь вершинам снежных круч
Солнце дарит первый луч,
Горная дорога!

БЕССОННИЦА

Покоя нет, —
Ты от себя всё дальше,
И от невольной фальши
Покоя нет.
И сон не в сон.
Не зная утоленья,
Сжигают сожаленья,
И сон не в сон.
Ни друг, ни враг
Не станут столь сурово
Судить за злое слово
Иль ложный шаг,

Не станут без уступок
За каждый твой проступок
Карать, скорбя.
Ты знаешь всех вернее,
Караешь всех больнее
Сама себя.

* * *

Не шёл упрямый дождь, когда
Была земля суха, тверда,
Когда сгорал от жажды сад,
И вот не к месту, невпопад,
Явился дождь, и льёт, и льёт,
Сухие ветви бьёт и гнёт,
То горько плачет он навзрыд,
То молча мрачно моросит,
То бурным ливнем хлынет вдруг…
Вода, шумит, кипит вокруг,
Поит деревья до корней.
А сад? Что саду делать с ней?
Что пользы в ней? Какой в ней прок?
Желанный дождь пришёл не в срок.

* * *

Осенью позднею ради чего
Ты расцвела, моя белая вишня?
Как я ждала торжества твоего
Ранней весной… Но к чему этот пышный
Поздний расцвет?
О, поверь, — никого
Не очаруешь ты прелестью лишней!

Ради чего распускаешь цветы
Осенью поздней в саду опустелом?
Вся словно снегом осыпана ты,
Вся полыхаешь ты пламенем белым!..
Ты — в двух шагах от зимы, — своего
Счастья не сдержишь, красуешься пышно…
Осенью позднею ради чего
Ты расцвела, моя белая вишня?

* * *

Какая-то птица
Средь ночи в далёком лесу
Всё кличет кого-то,
И голос её сиротлив,
И горькое горе,
Которое в сердце несу,
Тотча́с отзовётся
На этот далёкий призыв.
Безвестная птица,
Кого средь ночной темноты
Зовёшь безответно
В молчании чащи лесной?
С тоской безутешной
Одна-одинёшенька ты…
Как жутко, должно быть,
Средь ночи остаться одной,
Как тяжко, должно быть,
Глухое сиротство души
В той чаще дремучей,
В ночной безответной глуши.

* * *

Я опозорилась вконец.
Мне стыд, а людям, верно, смех.
— Ты хороша, ой, хороша, —
Бесстыдник тот сказал при всех.

Я опозорилась вконец.
На днях мы в клубе собрались,
И он сказал: — Танцуй со мной
Иль зацелую, берегись!

Я опозорилась вконец.
Я танцевала с ним одним,
И он потом сказал: — Пойдём
И обо всём поговорим.

Что делать? Встала и пошла,
Я с ним пошла без лишних слов
И приняла из рук его
Охапку полевых цветов.

Я опозорилась вконец
Перед семьёй, перед роднёй.
Бесстыдник тот, обняв меня,
Сказал мне: — Будь моей женой.

Сказал: — Зане, пойдём со мной.
Хозяйкой будь в моём дому.
Что делать мне? Я собралась
И в тот же день пошла к нему.

ПАМЯТИ ГАРНИКА ВОСКАНЯНА

Помню, шутил ты на перемене,
Стоя со мной ото всех в стороне:
«Автор лирических стихотворений,
Ты хоть разок напиши обо мне!»

Глядя на окна университета,
Я о тебе вспоминаю с тоской.
Юность твоя оборвалась где-то,
Ты не вернулся с войны домой.

Шаг замедляю в волненьи глубоком.
Чудится — вижу тебя в окне,
Чудится — слышу, как с тайным упрёком
Ты говоришь: «Напиши обо мне».

СНЕГ ИДЁТ

Идёт снежок спокойный, чистый,
Как детский сон, и свеж и тих.
Мгновенной звёздочкой искристой
Порой коснётся рук моих.

Но вот пошёл он гуще, гуще,
Всю землю в белое одел,
Необозримый, вездесущий, —
Не знаешь, где ему предел.

И ведь ни шороха, ни звука.
Но в этой снежной тишине
Полям, лугам, лесам порука,
Что пробудятся по весне.

Тишайший на земле в ответе
За шелест лепестков и трав,
За шум колосьев на рассвете,
За густолистый гул дубрав.

А сам беззвучен, бессловесен,
Таков он всюду и всегда.
Земле на благо отдан весь он
И молча тает без следа.

ПЕСНЯ

Зангу о берег бьёт волной
Настойчиво, неутолённо,
И для садов с листвой сквозной
Слагает песнь любви бессонной.

То замедляет бурный бег,
Кружи́т, не находя дороги,
То, сбрасывая пенный снег,
Летит вперёд через пороги.

Ты, верно, как и я, Зангу,
Для песни не находишь слова,
О камни бьёшься на бегу
И крутишься на месте снова.

Восторг сердечной полноты
Мне близок болью бессловесной,
Добиться песни хочешь ты,
Чтоб даже камень тронуть песней.

ДРУГ

Пишешь — и не то, не то, не то!
Где оно, сердечное горенье?
Жар души не сможешь ни за что
Весь как есть отдать в стихотворенье.
Разве искорки блеснут с листа,
Пробегая где-то между строчек.
Песня, даже лучшая — и та
Вдохновенья робкий переводчик.

Но, читатель, мы живём не врозь.
Ты поймёшь по беглым вспышкам света
Всё, что мне сказать не удалось.
Как тебя благодарить за это!
Не таю ни радостей, ни бед,
Ни тоски бессонной, ни борьбы с ней.
Милый друг мой, самый близкий в жизни,
Ты со мною — значит я поэт.

* * *

Ни одно моё пристрастье
Не цвело бесплодным жаром,
Не прошло для жизни даром
Ни одно мое пристрастье.

Сколько в сердце строк заветных,
Сколько в глубине души
Огоньков едва приметных,
А попробуй — потуши!

В знойный час прохладной тенью
Вы ласкали сердце мне,
Словно паводок весенний
Уносили на волне,

Жгли меня без сожаленья,
Гасли, будто навсегда…
Но минувшие пристрастья
Не исчезли без следа.

Чувство боли, чувство счастья
Не сгорит в душе дотла.
Наступающая осень
Обаяньем прошлых вёсен
Благодатна и светла.

* * *

А помнишь ли ты, дружок ясноокий,
Сестричка моя, шалунья Армик,
Как мы наизусть зубрили уроки,
Чтоб только от них отделаться вмиг?

Искали впотьмах случайной удачи,
Стремясь угадать готовый ответ…
А жизнь припасла такие задачи,
Что, кажется, им решения нет.

Вопросы её всё жестче, прямее,
Ответить на них труднее стократ,
А я ничего теперь не умею
Зубрить наизусть, решать наугад.

Геворк Эмин
(1919)

НАИРИ

Наирѝ — вековая лоза винограда,
Что из камня растёт на вершине крутой.
Не дано ей с чинарой сравниться прохладой,
Не поспорить ей с тополем высотой.

Сколько бурь пронеслось, прошумело над нею!
Тополь — тот раскололся б до самых корней.
Как сравниться с чинарой, земли не имея,
Чтобы шумные ветви раскинуть над ней?

Наири — вековая лоза винограда,
Что из камня растёт на земле нежилой.
Мчались конницы вражьи из тёмной засады,
И земля под копытами стала скалой.

О, лоза эта, в камень пустившая корни!
На листве самоцветами росы горят.
Ты звала созидать и бороться упорней
И на камне резцом высекать виноград.

Наирѝ — вековая лоза винограда,
Что из камня растёт, беззаветно щедра,
Вдохновению камень не станет преградой —
В храм Гегард превратили скалу мастера.

И не сладить грозе с этой древней лозою —
Камнем вскормлены, корни её глубоки,
Наливаются гроздья, сверкая росою,
И сквозь камень упрямо стремятся ростки.

* * *

Я зимою зашёл было в сад
Как здесь холодно, пусто и голо!
Мне бы лучше вернуться назад, —
Уж такой этот сад невесёлый!..

Жёстким снегом засыпанный весь,
Бугорками белеет уныло.
Я брожу, как по кладбищу, здесь,
Будто в поисках чьей-то могилы.

Мне подумалось — скоро весна, —
Стает снег, присмиреют морозы.
Пробудясь от подземного сна,
Зацветут виноградные лозы.

Ну а люди, а люди, что спят
За кладбищенской старой оградой?..
Хоронить бы людей, словно сад, —
Хоронить, как лозу винограда!..

* * *

Любовь моя, моя душа,
Скажу от сердца, без прикрас:
Прости, что лишь тобой дыша,
Не замечал тебя подчас!
Разлуки наступили дни,
Мы друг от друга вдалеке,
И сердце, чем ни обмани,
Лишь задыхается в тоске.
Как воздух, ты везде, во всём
Была со мной из года в год…
Но воздух мы осознаём,
Когда его недостаёт!

* * *

В каждой разлуке счастливее тот,
Кто уезжает… Ему от печали
Есть исцеленье — движенье, полёт,
Новое небо, новые дали.

А остающемуся каково?
Мало, что сердце изныло от жажды, —
Напоминаньями мучит его
Каждое дерево, камушек каждый…

БАЛЛАДА О ДОМЕ

1

Он дома о́тчего не знал,
Но с детских лет, как виноватый,
О чём-то смутно тосковал,
За что-то ожидал расплаты.

Он дома о́тчего не знал,
Но юношей в Александретте,
Стал строить дом, — он молот взял,
Гранит тесал он на рассвете.

«Не мучься зря, — сказала мать, —
Пусть кое-как живём покуда,
Нам рано ль, поздно ль, но бежать
Придётся, мальчик мой, отсюда!»

Убита мать… Не раз потом
Он вспомнит об её совете:
Он так и не достроил дом,
От турок скрывшись на рассвете.

2

Он дома óтчего не знал,
В Бейруте, как в Александретте,
Он молот взял, гранит тесал,
Чтоб в отчем доме жили дети.

Жена сказала:
«Сил не трать,
Не верь, что совершится чудо, —
Чужбине родиной не стать,
Мы всё равно уйдём отсюда!»

Жена скончалась… А потом,
Её совет припоминая,
И впрямь он не достроил дом, —
Его звала страна родная.

3

Он дома óтчего не знал,
Больной, уже на склоне жизни,
Он в Ереване молот взял, —
Он строил дом в своей отчизне.

Сказала Смерть:
«Старик, старик,
Пойми тщету твоих усилий,
И вся-то жизнь — лишь краткий миг,
А ты одной ногой в могиле!»

4

Но он уже достроил дом
И кроет кровлю черепицей,
А у стены в саду густом
Играет внучек смуглолицый.

Сильва Капутикян
(1919)

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ

Безоблачен был ранний мой рассвет.
Цветы, рукоплесканья в людном зале.
Едва сравнялось мне пятнадцать лет,
А уж меня поэтом величали.
Моя дорога ровною была,
До странности был гладок путь широкий,
И шумно заглушала похвала
Нечастые, негромкие упрёки…
Но для меня тот возраст миновал,
Когда бездумно впитывают славу.
Я прихожу в смятенье от похвал, —
Да разве я их слушаю по праву?
Достойна ль веры, искренней такой,
Что в девичьих глазах блестит невинно
И светится за каждою строкой
В письме армянском, присланном с чужбины?
Чтó создала я за немалый срок?
Достойна ль я признательности этой?
Достаточно ль для совести поэта
Немногочисленных сердечных строк,
Прямолинейной жизни без лишений,
Не трудной и не жертвенной ничуть?..
Взыскательней, суровей, совершенней
В минувшем был поэтов наших путь,
Когда, как свечи в темноте часовни,
Они сгорали в мраке скорбных лет
(И тем благоговейней, тем любовней
Народ хранил их путеводный свет),
Когда они без хлеба и без крова,
С великой жаждой пламенных сердец,
В чужом краю кончали путь суровый,
Встречали в тюрьмах горький свой конец,
Среди зыбей, вздымавшихся стеной,
Гребли и плыли, отдыха не зная…
А я! Ведь подо мной — земля родная
И солнцем — наше знамя надо мной,
Со мной — Отчизна вольная, и нету
Препятствий на пути, и цель ясна,
И внемлет мне, армянскому поэту,
Многонациональная страна, —
О, как ничтожно, как постыдно мало
Тебе я помогала, мой народ,

Как часто к сердцу я не принимала
Твоих печалей и твоих забот!..

Ни счастья, ни любви не жажду я.
К народу обращаюсь, дочь народа:
Нет радости мне ближе, чем твоя,
Нет скорби горше, чем твоя невзгода.
И сколько дней прожить мне ни дано,
И сколько ни дано сложить мне песен, —
Отныне всё тебе посвящено,
Мой стих, мой дар, — с тобой отныне весь он.
Посвящено всё лучшее во мне
Твоим метаньям от стены к стене,
Твоим путям, где каждый поворот
От века был заклятьем заколдован,
И твоему спасенью, мой народ,
И возрожденью в мире нашем новом.

Подобно лучшим из твоих детей, —
Твоим незабываемым поэтам, —
Я отдаю себя судьбе твоей
Наполненной и сумраком и светом.

Хоть с лучшими и не равняться мне,
Суди меня лишь с ними наравне!..

ЖИЗНЬ МОЯ

Словно убывающий Севан —
Жизнь моя… Бессонно мчатся годы.
Так Зангу несётся сквозь туман
И севанские уносит воды.
Время каждой капле счёт вести!
Жизнь моя, стремительней, бесстрашней
Закружи турбины на пути,
Напои сады, баштаны, пашни,
Одинокий тополь на скале,
Виноградник в поле знойным летом, —
Каждой каплей послужи земле,
Всё отдай — и позабудь об этом.

В каждом доме стань теплом и светом,
Стань вином и хлебом на столе…

* * *

Чтобы поднять тебя на пьедестал,
Чтоб удержался ты на пьедестале,
Чтоб крыльями орлиными блистал,
Орлиным взором созерцая дали, —
За это я всю душу отдала.
Я верила в тебя, как верят дети.
За все твои недобрые дела
Передо мною не был ты в ответе.
Закрыв глаза, глядела на тебя,
Чтоб видеть лишь таким, как мне хотелось.
Обманывалась, вымысел любя.
Куда же ослепленье это делось?
Ты рухнул с пьедестала, и тотчас
Прозрела я, но как сознаться тяжко:
Всем сердцем я платила за алмаз,
А оказался он простой стекляшкой…

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПЕСЕН

Прости меня, любимый мой, прости.
Был прежде твоего рассвет мой ранний.
В моей душе — печаль воспоминаний
И образы, забытые почти, —
Мне их не потерять и не найти…
Прости меня, любимый мой, прости.

И если загляжусь я ненароком,
И если позову полунамёком,
И с жаждой счастья в глубине глубин
К твоей груди прильну на миг один,
Чтобы в тебе опору обрести, —
Прости меня, любимый мой, прости.

В глазах моих сиянья не лови.
В них не горит счастливый свет любви,
В них — сумрак, Ванским озером хранимый,
Смятение грозы неукротимой
И верность долгу на крутом пути…
Прости меня, любимый мой, прости.

Должна другая стать твоей судьбою —
Смеющаяся, — та, что вся с тобою,
А я иным мечтаньям предана,
И знать и помнить многое должна,
Мне от моих раздумий не уйти.
Прости меня, любимый мой, прости.

ТВОРЧЕСТВО

В моих любовных песнях не ищите
Безвестных иль прославленных имён —
Вам не свершить каких-либо открытий,
Я не пойму сама, — где явь, где сон.

В глухие дни — их даже вспомнить нечем,
Вдруг песня прерывала немоту
И, благодарная бескрылым встречам,
Крылатая, взмывала в высоту.

Мгновенный шёпот, чей-то вздох несмелый
Иль чей-то взгляд, что счастьем засверкал,
И, словно эхо, песня зазвенела,
И, как в горах, в ней отзвук не смолкал.

Где эти люди, где мгновенья эти?..
В душе и в сердце — в существе моём.
Они — один-единственный на свете,
И только с ним сквозь жизнь я шла вдвоём.

Он явью был и вымыслом неясным.
Он был и не был, он не мог не быть.
Он воплощался ожиданьем властным.
Он возникал, чтоб я могла любить.

Он создан мной, мечтаньями моими,
Биеньем жарким сердца моего…
Вы понапрасну не ищите имя —
Ни мне, ни вам не отыскать его.

ЛИЛИТ

«Ева», — шептали его губы, но душа его откликалась: «Лилит».

Ав. Исаакян

Ты — первый огонёк меж первых двух кремней,
Ты — движущийся блеск неоновых огней,
Неуловимая от самых давних дней,
Лилит, Лилит!

От века скрытая в душевной глубине,
Всегда как в облаке, как в дымке, как во сне,
Вдвойне желанная, бесценная вдвойне,
Лилит, Лилит!

В теснинах сердца ты, как праздничный тайник,
Родник влечения, сомнения родник,
Падение и взлёт, блаженства краткий миг,
Лилит, Лилит!

Здесь — и земля и хлеб, а ты — порыв мечты.
Ты — где-то, и твои изменчивы черты,
Воспламенённая, испепеляешь ты,
Лилит, Лилит!

Здесь — тихий, тёплый кров, а ты — пустырь, простор.
Здесь — тлеющий очаг, а ты — лесной костёр,
Здесь — примирение, а ты — извечный спор,
Лилит, Лилит!

Непризнанная, ты всему и всем чужда.
Здесь — Ева. Здесь — плоды. Твой цвет не даст плода.
Меж небом и землёй одна, одна всегда,
Лилит, Лилит!

РАСКАЯНИЕ

Ты любил, но всё мне было чуждо:
В тягость были нежные признанья,
Преданность была смешной, ненужной,
Встречи — лишены очарованья.

Мне сказали, что в разгаре боя
Ты погиб… Немилый мой, мой милый,
Как же попрощаться мне с тобою —
На чужой земле твоя могила.

И раскаянье меня отныне
Обличает горько и сурово,
Словно оскорбила я святыню,
Не сдержала клятвенного слова.

Жизнь ты отдал страждущей отчизне…
Как мне жить с безжалостной ошибкой,
Как мне жить, когда тебя при жизни
Не дарила доброю улыбкой!

Отыскать бы мне твою могилу,
Высказать бы в муке нестерпимой
Всю любовь, которой обделила,
Обделила я тебя, любимый!..

МОЕМУ РЕБЁНКУ

Обнимаю ль тебя, иль, склонясь пред тобою,
Отмываю от грязи ребячьи ножонки, —
Вдруг в душе зазвучит голос песни незвонкий
И пойду я за ним, как идут за судьбою.

А когда унесёт меня песня далёко,
Обжигая тревогою самозабвенной,
Стоит крикнуть тебе — и вернусь я мгновенно,
Мне в надзвёздных краях без тебя одиноко.

То становишься ты всех сокровищ чудесней,
То забуду тебя, слыша песни начало…
Ах, не песня ль с тобою меня разлучала
И не ты ли, сынок, разлучал меня с песней?

АВЕТИКУ ИСААКЯНУ

в день его восьмидесятилетия

Как солнце медлит, из-за гор вздымаясь,
Так из дому, рассвет встречая летний,
Выходит он, на палку опираясь
Всей тяжестью восьмидесятилетней.
Нет, сверстник он с Ваагном[1] огнекудрым.
С Месропом[2] алфавит наш благородный
Он создавал, и словно вышел утром
Из врат Звартноца[3] в праздник всенародный.
В его душе — напев старинных песен,
И на устах — сказанье о Давиде[4].
И словно мир прошёл в скитаниях весь он, —
В пыли подошвы…
И, былое видя,
Его глаза таят пожарищ пламя,
Прощальный чей-то взгляд и сумрак серый,
Но изнутри озарены лучами
Неугасимой мудрости и веры.
Вокруг — цветенье, смех и дети, дети,
И слитый с ними встречею желанной,
Не торопясь, идёт он в даль столетий
По улицам родного Еревана…

---

[1] Ваагн — мифический бог.
[2] Месроп Маштоц — создатель армянской письменности (412 год).
[3] Звартноц — храм, памятник VII века.
[4] Давид — герой народного эпоса «Давид Сасунский».

НА ДАЛЬНИХ ДОРОГАХ

Плывут, уплывают на юг облака,
А поезд на север спешит, и вокруг
Поля колосятся и даль широка…
Плывут облака, уплывают на юг.

Тоска по Армении сжала мне грудь.
Когда бы на миг очутиться мне там
И облаком белым неслышно прильнуть
К неласковым, диким, скалистым горам!..

* * *

Нет для тебя ни преград, ни помех,
Чтобы творить чудеса надо мною,
Сделать меня красивее всех,
Радостней всех под этой луною.

Можешь весь мир движеньем одним
Или одним ласкающим взглядом
Мне подарить и поднять над ним,
Чтоб оказалась я с солнцем рядом!

Дай же мне юность изведать вновь,
Дай же мне силы мои измерить,
Дай мне поверить в твою любовь,
Дай мне поверить, дай мне поверить!..

* * *

Любви загадку — древнюю, бездонную —
понять я не могу.
Богаче иль бедней душа влюблённая
понять я не могу.
Люблю тебя, но хмурое, бродячее,
скупое сердце — ты.
Я победительница или побеждённая —
понять я не могу.

* * *

Да, я сказала: «Уходи», —
но почему ты не остался?
Сказала я: «Прощай, не жди», —
но как же ты со мной расстался?
Моим словам наперекор,
глаза мне застилали слёзы.
Зачем доверился словам?
Зачем глазам не доверялся?

В МИНУТУ ТОСКИ

Приди, приди, приди,
Хотя бы для прощанья,
Хотя бы без желанья —
Приди, приди, приди!

Хоть с холодом в груди,
Рассеянный, далёкий,
Насмешливый, жестокий, —
Приди, приди, приди!

Пусть горе впереди, —
Что плакать об утрате!
Хоть из чужих объятий —
Приди, приди, приди!..

* * *

Ты моей любовью был, тайный свет былого ты.
Если кто-то сердцу мил — это снова, снова ты.

Пусть расстались мы, и я знать не знаю о тебе,
Пусть другой меня пленил — это снова, снова ты.

Пусть любуюсь не тобой, призываю не тебя,
Кто бы сердце ни томил — это снова, снова ты.

Мне другого полюбить оказалось нелегко,
Ах, тебя он не затмил — это снова, снова ты.

Напоил ты жизнь мою, как сухую землю дождь.
Если сад мой полон сил — это снова, снова ты…

* * *

Была добра любовь моя,
Великодушна, терпелива.
Тебя благословляла я
И в жесточайший миг разрыва.
Моя тоска была светла,
В мученьях ревности беззлобна,
И всё, что зависти подобно,
Испепелила я дотла,
Чтобы душе не жить без света.
А нынче мелким ручейком
Сама себе кажусь, когда я,
Холодный взгляд поймав тайком,
Лишь холодею, не страдая.
Сама свидание прерву,

Когда предчувствую разлуку,
И первой протяну я руку,
Но не прощаю, не зову,
И думаю — любовь ли это?..

* * *

Не заставь меня плакать, — я плакала много, любимый,
И не думай напрасно, что я холодна и надменна.
Мне изранили сердце, и в шрамах оно постепенно
Отвердело, но больно ему от ожога, любимый.

Безоглядно я шла, доверяясь открыто и прямо,
Но как часто встречала я с горечью неодолимой
Камень вместо сердец, я же верила в сердце упрямо…
Нелегко мне досталась прямая дорога, любимый.

Мне бы тихо уснуть, как ребёнок склонясь головою
На колени твои, отдохнуть от тоски нестерпимой.
Тайный свет сбереги, озаряющий сердце живое, —
Вечереет мой день, уже ночь у порога, любимый.

Рачия Ованесян
(1920)

ШУМЯЩИЙ ЛЕС

Я вновь к тебе пришёл, шумящий лес.
До вечера со мною побеседуй.
Из памяти моей почти исчез
Твой голос… Не вини меня, не сетуй!

С печалью о младенческой поре
Услышу вновь средь летней благодати
Твой быстрый шум на утренней заре,
Твой вздох волноподобный на закате.

На всех путях, где жизнь прошла моя,
Я много пел и говорил я много,
Наслушался и слов и песен я,
И вот в лесную глушь ведёт дорога.

Устал от слов своих, от слов чужих,
Но голос твой от края и до края
Услышал я — и в трепете притих,
Как воздух твой, твоя земля сырая.

Над головой — листвы густой навес
Колышется, и голос вдохновенный
Мне в сердце проникает сокровенно…
Я слушаю тебя, шумящий лес!

Из цикла «ЧУДЕСНЫЙ САДОВНИК»

* * *

Мой сад был создан на скале
Безжизненной, тысячелетней.
Лишь змеи нежились в тепле
На мшистых камнях в полдень летний.

Но я, как прадеды мои,
Работал, рук не покладая,
Чтоб закипели здесь ручьи
И ожила скала седая.

В ущельях звон моей кирки
Звучал настойчиво и долго,
И дружно принялись ростки
В земле, что стала мягче шёлка.

Мой сад разросся, полный сил…
Кто ж победил в борьбе упорной:
Скала иль тот, кто раздробил
И вызвал к жизни камень чёрный?

* * *

Обойду я мой сад, осмотрю.
Каждый кустик полью, подвяжу.
Провожая, встречая зарю,
Я весенним цветеньем дышу.

Зеленеющей завязью лоз
Раскудрявился солнечный скат.
На пригорке цветёт абрикос,
Розовеют черешни и пшат.

Я не брошу до первой звезды
Отбелённый землёю кетмень.
Лишь под вечер кончаю труды
С чистой верою в завтрашний день.

Я в давильне огонь разведу.
Сяду с чётками возле огня.
А деревья в полночном саду
Шелестят в ожидании дня.

* * *

Взволнованно шумит мой добрый сад,
В саду бушует дождь звонкоголосый.
Трепещет клён, тревогою объят.
Прибрежным ивам ветер треплет косы.

В алмазных брызгах куст продрогших роз.
Мой сад, как чаша с влагою кипучей.
Но тог же ветер, что грозу принёс,
Уносит прочь разорванные тучи.

Был этот ливень буен и сердит.
Тугую ветку персика сломал он.
На ветке этой, что в траве лежит,
Плоды сквозные рдеют соком алым.

Ну что ж, зато прохладою дыша,
Животворящих капель мириады
Вспоили землю, и моя душа
Светла, как радуга над склоном сада.

* * *

Я сам себе вопросы задавал
И не уверен ни в одном ответе.
Как жили до начала всех начал —
До первого садовника на свете?

Но этот сад я знаю с детских лет.
Закрыв глаза, я вижу пред собою
Мой добрый сад, и дать готов ответ
За каждый куст, за деревце любое.

Язык цветов мне издавна знаком.
У каждого цветка своя повадка.
Я знаю — кто задремлет вечерком,
Кто подпевает соловью украдкой,

Кто, до утра болтая в тишине,
Струит благоухание ночное,
Кто дружелюбно судит обо мне
И кто злословит за моей спиною.

* * *

В мирный сад ворвался́ ураган.
Посбивал абрикосы с ветвей,
Растрепал на пригорке тюльпан,
Лепестками осыпал ручей.

Крутит, вертит, уносит вода
Листья, ветки, цветы и плоды,
Видно, буря не любит, когда
На земле зеленеют сады.

Но осенних плодов урожай
Необъятно, бескрайно богат.
Вейся, ветер, бушуй, угрожай, —
Всё равно не погибнет мой сад!

Ты с плодами, с цветами, с листвой
По земле разбросал семена.
Нет преграды их силе живой —
Прорастут, лишь настанет весна.

* * *

Очертаньем на сердце похожий,
Бьётся лист виноградной лозы.
Жаждет счастья, что жизни дороже,
Жаждет солнышка после грозы.

У меня, точно лист виноградный,
Бьётся сердце и плачет в тоске
О любимой, как солнце отрадной,
Что сияет всегда вдалеке.

Сброшен нá землю бурей осенней
Тот листок, что устал ожидать.
От весны он не жаждет спасенья
И не верит в её благодать.

Будь весна, будь зима — неустанно
Бьётся жаркое сердце моё,
Дожидается встречи желанной
И не верит и верит в неё.

* * *

Я шорох шагов услыхал во сне —
И трудно мне было сон превозмочь,
Но сердце почуяло: в сад ко мне
Прокрались воры, встревожив ночь.

«Эгей, — закричал я, — нехорошо!
Как, добрые люди, не стыдно вам!
Придите утром, с открытой душой,
Я всех одаряю плодами сам!

Взгляните, — весь мир в покой погружён.
Высокая ночь — не для низких дел…
Я сон видел, братья… я светлый сон
И до середины не досмотрел…»

В ограде пробоина — ход к ручью.
Спускался в ущелье их тёмный путь…
А я, бормоча, в давильню свою
Вошёл огорчённый — снова уснуть.

* * *

Ну вот и осень вышла на просторы,
Пылая и светясь на все лады…
Шиповник розовеет у забора,
Желтеют тыквы, снятые с гряды.

Молчит моя давильня… Вдоль карниза
Нанизан красный перец над стеной,
А виноград — янтарный, тёмно-сизый —
Лежит ковром на кровле земляной.

Сижу на пёстром, выцветшем паласе
Под яблоней, что в тень меня звала.
Кругом царит глубокое согласье
Благоуханья, света и тепла.

Пылает солнце щедро и богато.
Ни звука… Только с поля над рекой
Вдруг донесётся дальний звон лопаты…
И вновь покой, незыблемый покой.

* * *

Пылающий праздник в саду.
Томятся плоды на весу…
Придите, придите, я жду,
На блюде вам сад поднесу!

До срока останусь ни с чем,
Одним лишь сознаньем богат, —
Что был справедливым ко всем
И сладок вам мой виноград.

В погасшем саду схороню
Отрады моей черенки.
В давильне подсяду к огню
Без горечи и без тоски.

На старой тахте растянусь,
Вишнёвую трубку набью
И, слушая ветер, дождусь
Весны в ненаглядном краю.

* * *

Как спелые черешни, врассыпную
На небе звёзды частые блестят.
Чуть зыблет ветер темноту ночную,
Целуя травы, обега́ет сад.

Созрело за ночь яблоко и с ветки
Упало, не сдержавшись на весу,
И катится ко мне в кустарник редкий.
Разбрызгивая на траве росу.

Я в детстве спал под яблоней когда-то,
И разбудил меня упругий стук —
Мне на одежду с яблони богатой
Крутое яблоко упало вдруг.

Вот если бы найти такое средство,
Чтобы, проснувшись в тёмной тишине,
Почувствовать, что сладостное детство,
Как яблоко, упало в руки мне.

* * *

Чудесно пировать, чудесно!
Не лучше, думаю, в раю.
Как смотрят звёзды! Значит, лестно
Попраздновать в земном краю.

Гранатов спелых сок багряный
Мы выжмем в знойное вино.
Пусть эта ночь, как гость желанный,
Пирует с нами заодно.

Весельем шумным ночь украсьте,
Встречайте новый день вином.
Мои товарищи по счастью,
Как хорошо в краю родном!

Сомкнитесь, чаши, с лёгким звоном
Под переплеск хмельной струи…
Как хорошо нам жить, влюблённым!
Итак, за жизнь, друзья мои!

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Мкртчян. Поэт 3

ДАЛЬНЕЕ ДЕРЕВО

В годы войны

«Мы начинали без заглавий…» 19
Апрель 1942 года 21
«Завтра день рожденья твоего…» 22
Севастополь 23
«Я думала, что ненависть — огонь…» 25
Ночь на 6 августа 26
Осенние леса 28
«Грустила я за свежими бревенчатыми стенами…» 29
«Не наглядеться, не налюбоваться…» 30
Чистополь 32
«Проснёмся, уснём ли — война, война…» 34

Из ранних стихов

Муза 36
Сказочка 37
«А на чердак — попытайся один…» 38
«Неукротимою тревогой…» 39
Из ненаписанной поэмы 41
Море 43
Карадаг (поэма) 45
Лесное дно 49
Соловей 51

Стихи разных лет

«Когда на небо синее…» 53
«Ты думаешь, что силою созвучий…» 55
«Не взыщи, мой признанья грубы…» 56
«Мы смыслом юности влекомы…» 57
«Глубокий, будто тёмно-золотой…» 59
«Не плачь, не жалуйся, не надо…» 60
«Лишь в буре — приют и спасение…» 62
«Говорят, от судьбы не уйдёшь…» 63
«Какой обильный снегопад в апреле…» 64
«Бредёшь в лесу…» 66
«Весна и снег. И непробудный…» 67
«— Но в сердце твоём я была ведь?..» 68
«У меня большое горе…» 69
«За окном шумит листва густая…» 71

«Но разве счастье взять руками голыми?» 73
«Осень сорок четвёртого года…» 74
«Оглянусь — окаменею…» 75
«Год в разлуке прожитый…» 76
«Тихие воды, глубокие воды…» 77
«Назначь мне свиданье на этом свете…» 78
«Ты не становишься воспоминаньем…» 80
«Давно я не верю надземным широтам…» 82
«Пожалейте пропавший ручей…» 83
«— Чёрный ворон, чёрный вран…» 84
«Подумай, разве в этом дело…» 85
Черта горизонта 86
«На свете лишь одна Армения…» 87
«Судьба за мной присматривала в оба…» 89
«Что делать! Душа у меня обнищала…» 90
«Одна на свете благодать…» 91
«Но только и было, что взгляд издалёка…» 92
«От зноя воздух недвижим…» 93
Сказка 95
«О чём же, о чём, если мир необъятен…» 98
«Не за то ли, что только гроза…» 99
«Что ж, если говорить без фальши…» 101
«За что же изничтожено…» 102
«Сердцу ненавидеть непривычно…» 103
Надпись на портрете 105
Размолвка 106
«Какое уж тут вдохновение…» 107
«Пусть будет близким не в упрёк…» 108
«Сквозь сон рванёшься ты померяться с судьбою…» 109
«Ты думаешь, правда проста?..» 110
Сон на рассвете 113
«Пылает отсвет красноватый…» 115
«Что толковать! Остался краткий срок…» 116
«Кузнечики… А кто они такие?..» 117
«Куда, коварная строка?..» 118
«Ни Ахматовской кротости…» 119

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Иоаннес Иоаннисиан

«Не забывай, певец, о верной лире…» 123

Аветик Исаакян

Народная лира 124
Армянское зодчество 128

Ваан Терьян

«Был нелёгким путь и далёким кров…» 130
«Хвала вносившим в сумрак тюрем…» 130
На каторге 131
«Только раз, но как сестра, сердечно руку протяни…» 131

«Ты улыбнулась, наирянка моя…» 132
«Мне в этих памятных местах…» 133
Когда неизъяснимо и глубоко…» 133
Октябрю 134

Наири Зарьян

Тиран и поэт 135
Ара Прекрасный (отрывки из драматической поэмы) 140

Гегам Сарьян

Деревья 150
Радуга 150
Песня заката 151
Последние страницы 151

Амо Сагиян

Из цикла «На берегу Воротана» 153
Детство 154
Зелёный тополь Наири 156

Маро Маркарян

Горная дорога 157
Бессонница 158
«Не шёл упрямый дождь…» 159
«Осенью позднею…» 160
«Какая-то птица…» 160
«Я опозорилась вконец…» 161
Памяти Гарника Восканяна 162
Снег идёт 163
Песня 164
Друг 165
«Ни одно моё пристрастье…» 166
«А помнишь ли ты…» 167

Геворк Эмин

Наири 168
«Я зимою зашёл было в сад…» 169
«Любовь моя, моя душа…» 170
«В каждой разлуке счастливее тот…» 170
Баллада о доме 171

Сильва Капутикян

Вступление к книге 174
Жизнь моя 176
«Чтобы поднять тебя на пьедестал…» 177
Из последних песен 178
Творчество 179
Лилит 180
Раскаяние 181
Моему ребёнку 182
Аветику Исаакяну 183
На дальних дорогах 184

«Нет для тебя ни преград, ни помех…» 185
«Любви загадку — древнюю, бездонную…» 185
«Да, я сказала: уходи…» 186
В минуту тоски 186
«Ты моей любовью был, тайный свет былого ты…» 187
«Была добра любовь моя…» 187
«Не заставь меня плакать…» 188

Рачия Ованесян

Шумящий лес 189
Из цикла «Чудесный садовник» 190
«Обойду я мой сад, осмотрю…» 191
«Взволнованно шумит мой добрый сад…» 192
«Я сам себе вопросы задавал…» 192
«В мирный сад ворвался ураган…» 193
«Очертаньем на сердце похожий…» 194
«Я шорох шагов услыхал во сне…» 195
«Ну вот и осень вышла на просторы…» 196
«Пылающий праздник в саду…» 196
«Как спелые черешни, врассыпную…» 197
«Чудесно пировать, чудесно…» 198

Мария Сергеевна Петровых

Дальнее дерево

Редактор **И. В. Карумян**
Художник **Г. Р. Мурадян**
Худож. редактор **Ан. В. Гаспарян**
Тех. редактор **О. С. Паникян**
Контрольный корректор **С. С. Хачатурова**

Сдано в набор 10/IV 1968 г. Подписано к печати 14/X 1968 г.
Бумага типографская № 1, 10 × 108$^{1}/_{32}$. Печ. 6,5 л. = 9,1 усл.
печ. л., +1 вкл. Цена 70 к.
ВФ 08485. Заказ 735. Тираж 5000
Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. Теряна, 91,
Полиграфкомбинат им. Акопа Мегапарта Главного управления
полиграфической промышленности Госкомитета по печати при
Совете Министров Армянской ССР, г. Ереван, ул. Теряна, 91.

Сканирование, OCR — Айвазьян Владимир